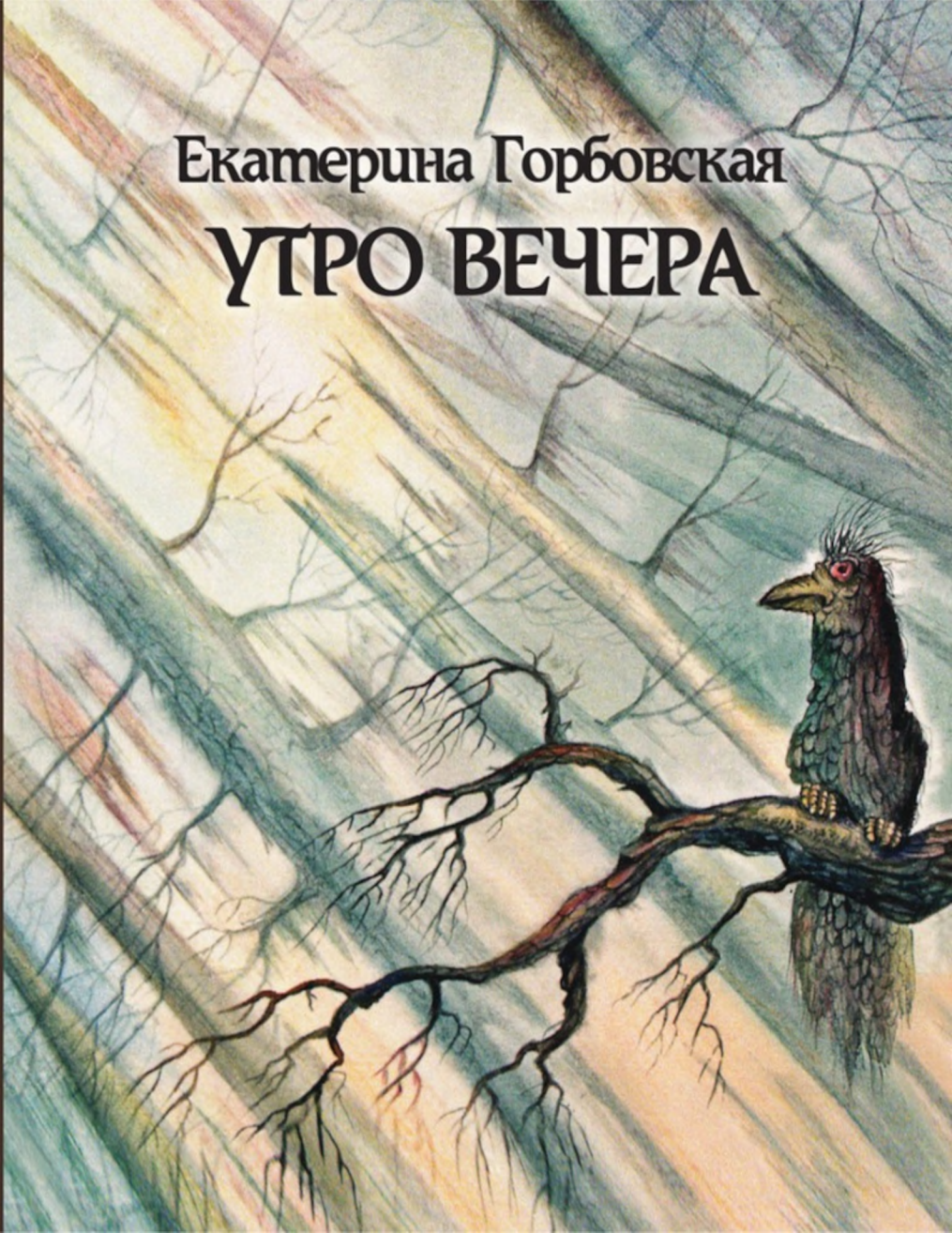

Екатерина Горбовская УТРО ВЕЧЕРА

Екатерина Горбовская

УТРО ВЕЧЕРА

Екатерина Горбовская

УТРО ВЕЧЕРА

Екатерина Горбовская

УТРО ВЕЧЕРА

Москва, 2013

УДК 82-31
ББК 84(2)
Г67

ISBN 978-5-90338-506-5

Горбовская Е. А.

Г67 Утро вечера / – М.: Свой круг, 2013. – 292 с., ил.

Фотография на 4 полосе обложки — © Вячеслав Малина, октябрь 2012

Фотография на титуле — © Эдуард Эдкин, октябрь 2010

Иллюстрация на с. 284 — © Екатерина Горбовская, 2012

© Е. Горбовская. Тексты, 2009–2012

© С. Кротова. Иллюстрации, 2012

© ООО «Виртуальная галерея». Макет, 2012

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

...А школу я бросила в восьмом классе. Почему? Сейчас уже трудно сказать. То есть, сейчас-то как раз сказать легче всего, сейчас сказать можно всё, что угодно — и сказать и объяснить, да и не просто объяснить, а так, чтоб все поняли, прониклись, встали на твою сторону... А вот как оно на самом деле было, сейчас уже не скажешь, это только тогда можно было как-то сказать, путаясь в словах, зная, что всё равно никто ничего не поймёт и никто не встанет на твою сторону.

Поэтому я тогда никому и не сказала. И, пока никто ничего не знал, всё было как нельзя лучше. А потом всё равно узнали, это ж дело такое... Взяли за руку и отвели в школу рабочей молодёжи. Объяснили, что без аттестата зрелости люди на свете не живут, и что надо соответствовать. Я обещала соответствовать. Нам бы день простоять, да год продержаться... День я там простояла. Даже неделю, кажется. Больше не продержалась. Мир вокруг был слишком огромен, а периметр жизни в системе обязательного среднего образования слишком мал. Но, как и в прошлый раз, я понимала, что никогда никому не смогу этого объяснить, и поэтому опять никому ничего не сказала.

А ближе к Новому Году из школы позвонили домой. Что было дома, я вам рассказывать не буду. Расскажу лучше, что было в школе, когда я туда появилась. Было страшное. Меня обступили учителя и стали кричать. Громкими разработанными учительскими голосами. Все одновременно... Я совершенно не выношу, когда заходятся в своём крошечном крике младенцы или маленькие дети, потому что так кричат взрослые люди на пике страданий. Я неосознанно реагирую

на звук, и мне каждый раз нужно сделать над собой усилие, чтобы осознать, что это не Ад сошёл на Землю, а просто какому-то обормоту в подгузниках не дают бутылочку с соком. Когда на тебя одновременно кричат десять или больше человек, тоже нужно сделать над собой усилие, чтобы осознать, что это не Ад сошёл на Землю...

А они кричали, что никто из них меня больше к себе на урок не пустит, что аттестата мне не видать, чтоб я и думать забыла, и чтобы я вон отсюда шла, и никто меня учить здесь не будет. Мне казалось, что их там было человек триста, если не больше. И все они кричали.

Вдруг появилась какая-то женщина и тихо спросила: что здесь происходит? У меня память на лица нулевая, поэтому в тот момент я даже и не сообразила, что это была директриса (имя, имя? Господи, ну, почему я даже имени не помню?!). Все на минуту замолкли, потом крик возобновился — это они ей объясняли суть происходящего. Через буквально минуту она им тишайшим своим голосом сказала: «Я поняла. Мы будем решать этот вопрос», и велела мне пройти к ней в кабинет. Наш разговор продолжался не больше двух-трёх минут. Она мне сказала: «После Нового Года сдашь зачёты по всем предметам за первое полугодие, и после этого — каждый день, от первого до последнего урока. Пропуск только по справке от врача. Если мы с тобой договорились, то с учителями я договорюсь. А теперь иди домой. Нет, лучше посиди здесь, пока перемена не закончится, потом пойдёшь...»

Зачёты я сдала, но учителя категорически отказались видеть меня на своих уроках: во-первых, вся школа видела и слышала, как они сказали, что только через их коллективный труп, а во-вторых — примерно то же самое, что и во-первых,

только ещё с какой-то педагогической подоплёкой. Меня перевели на заочную систему сдачи зачётов и контрольных, и каким-то непостижимым образом я доползла до конца учебного года.

И вот тут у меня наступает полный провал памяти: я совершенно не помню, чтобы я сдавала какие-то выпускные экзамены. Я это поняла только сейчас, когда сижу и пишу этот текст: поняла потому, что не могу написать об этом ни единого слова, потому что у меня там совершенно пустой файл. Меня можно застрелить на месте, но я не помню, были ли там вообще какие-то экзамены, в этой школе рабочей молодёжи, или оно шло как-то автоматом, или я их сдавала, но в моей памяти это всё слилось в единое целое с теми зачётами, которые я сдавала экстерном — не помню вообще ничего: ни, чтобы готовилась, не помню, ни, чтобы сдавала, не помню — бездонный пробел какой-то. Помню только, что я точно знала, что аттестата у меня не будет.

Но где-то в середине лета вдруг позвонили из школы и спросили, почему я до сих пор не забрала аттестат. Я скорее удивилась, чем обрадовалась, и сказала, что да-да, конечно, как только — так сразу. Но так и не собралась: мир был по-прежнему огромен, но в этом моём огромном мире не было места такому понятию, как аттестат зрелости, и какая-либо возможность его применения не вписывалась в сюжетную канву происходящего действия. И мне было даже совершенно неважно, какие у меня там стоят оценки, и было жалко тратить время на дорогу, и не хотелось опять ехать туда, откуда уже навсегда ушла.

...Да-да, конечно, как только — так сразу.

А потом я вообще куда-то уехала. И пока я была «куда-то уехавши», из школы позвонили снова и сказали, что у них

начинается ремонт, все уходят в отпуск, школа закрывается до сентября, и заберите-вы-наконец-этот-ваш-аттестат-сколькo-же-можно! За аттестатом поехала моя мама.

Что было дальше, передаю с её слов:

— Захожу я, значит, — рассказывала потом мама, — в кабинет... (Софья! Я, кажется, вспомнила: первое имя было Софья, а отчество — то ли Дмитриевна, то ли Михайловна. Но имя — точно Софья, кажется, так.)

— Захожу я, значит, в кабинет директора, и... — (пусть будет Михайловна!) — и Софья Михайловна протягивает мне твой аттестат. Я как заглянула в него, так у меня ноги и подкосились: там в столбик одни тройки, такая сплошная кудрявая завитушка...

Я: ой, ой, как же это так... у неё же в школе всегда пятёрки и четвёрки были... ой... по русскому, по литературе... пятёрки всегда были... ой, а по-английски она вообще с десяти лет свободно говорит, а здесь ей тройку поставили... ой-ё-ёй... куда же она теперь с таким аттестатом... ой, у вас водички не найдётся, а можно я сяду... ой, и по истории тройка... ой-ё-ёй...

И тут ваша Софья Михайловна достаёт откуда-то чистый бланк аттестата и спокойно так говорит: «Она в гуманитарный вуз будет поступать?» Я: «Да, конечно», — а сама вся, как во сне, — «в гуманитарный...» Она мне: «Да не плачьте вы, я ж понимаю... Сейчас всё сделаем...» И прямо при мне заполнила она новый аттестат, с четвёрками и пятёрками по всем гуманитарным, сама просчитала, чтоб проходной бал набрался. Дала она мне этот аттестат и говорит: «Счастья ей, и чтоб всё у неё получилось»...

Тут у моей уже полгода как бросившей курить мамы в руке появилась сигарета — непонятно откуда взявшаяся: сигарет

в доме больше не держали, не покупали, даже слово вслух не произносили. Мама её помяла, сломала пополам, выбросила и продолжала:

— Я вышла из школы на ватных ногах, мне казалось, что сейчас завоюют сирены, и за мной погонится милиция с собаками на конях...

Я помню, что тогда очень живо представила себе этих «собак на конях».... А мама продолжала:

— Я прошла несколько метров, ещё не очень соображая, что только что произошло, а когда оно до меня дошло, я кинулась во «Власту», в «Лейпциг» — хорошо, деньги с собой какие-то были, купила... ладно, неважно, это моё личное дело, что я купила, прибегаю со свёртком в школу, а там уже нет никого, кабинет директорский закрыт... Какая-то женщина мне говорит, что всё, теперь уже до осени никого не будет: «А что вы хотели?», — спрашивает. А я говорю: «Да я вот Софье Михайловне передать хотела...» Она мне: «Давайте, я в учительскую отнесу, если хотите, или уже осенью». Я ей свёрток отдала, записку туда вложила... а потом иду по улице и плачу, не могу остановиться, слёзы сами ручьём текут...

P. S. А аттестат этот мне всё-таки потом пригодился несколько лет спустя, когда я (ненадолго) поступала в Литинститут. А чего поступала? Да не знаю, все побежали — и я побежал...

P. P. S. Мы бы, наверное, все передохли, если бы по нашей жизни, на разных её этапах, не проходили люди, которые нас берут и спасают — просто так, мимоходом, как само собой разумеющееся, только потому, что у них внутри стоит такой

вот компас со стрелкой на «хорошо» и «плохо». А где это «хорошо» и где это «плохо» — это им по их природе известно.

А потом были и другие люди, у которых внутри стоял такой же компас. И нет предела моей им благодарности.

Равно как и нет предела моей благодарности тем, кто будет читать эту книгу, и, дабы облегчить им сию задачу, сразу объясню, что:

Книга состоит из двух частей.

**Сначала идут стихи, написанные
в 2009-м, 2010-м и в 2011/12-х годах:
они представлены в том порядке,
в каком они записывались
по мере их появления на свет.**

**А во второй части —
в основном стихи из книжки
«Обещала речка берегу» —
от самых ранних,
написанных очень давно,
до более поздних,
уже этому веку принадлежащих.**

26.12.2012

2009

* * *

Утро вечера мудренее —
Но дряннее
И длиннее.
Утром вечера —
Словно не было,
И не спрашивать
 больше «Где была?»
Я во сне была —
Там Вас не было.

* * *

Вот была б я молоденькой, худенькой —
Я б такие носила платица!
А тут в зеркало глянешь — Господи!
Ну, на что тут, скажите, тратиться...

А с тех пор, как между нами всё кончено,
Мне повсюду мерещатся белочки,
Тараканы и всякие прочие
Быстробегающие мелочи.
И я даже была у доктора.
Доктор выслушал — и расстроился,
Говорил мне про симптоматику,
И про то, что за этим кроется...

Вот была бы я старенькой, кривенькой —
Я взяла бы тебя на жалость,
Я б схватила тебя,
Тряслась бы вся —
И держалась, держалась, держалась...

* * *

А с Майклом Дугласом ничего у нас не было.
И, видно, не будет. Теперь уже — нет.
Одни только грешные помыслы беглые.
А годы проходят. Десятки лет.
И столько сбывалось — а после не сбилось,
И столько случилось ненужных вещей,
Но Божия милость — есть Божия милость,
И Бог в мелочах.
Я боюсь мелочей —
О них разбиваются хрупкие мысли,
О них спотыкается жизнь на бегу,
Они превращаются в длинные числа,
Которые я сосчитать не могу...

А с Майклом Дугласом мы ещё встретимся —
В том хороводе, где пенье и свет —
Ах, как мы закружимся, как мы завертимся,
Его я узнаю, а он меня — нет.

* * *

Погода такая, что хочется сдохнуть.
А водка такая,
Что хочется жить,
И встретить мужчину,
И, тронув за локоть,
Сказать: «Кучерявый, давайте дружить!»

* * *

В полнолуние люди бешутся,
Людям надобно полумесяца —
Там уляжется всё, уложится —
Всё, что хочется, но не можетя,
Всё, что можетя, но не хочется,
Чтобы ночью спать — не ворочаться,
Чтоб не шарил взгляд — где б повеситься.
Ах, дожить бы до полумесяца!

* * *

Я всё поймать хотела взгляд,
А он скользил за вырез блузки.
Вы мне сказали: «Я там рад...» —
А так не говорят по-русски,
И не касаются рукой
Чужих, ненужных Вам коленок...
И что за взгляд у Вас такой —
Вам как — из горла иль из вены?
...Когда б мы не были «на вы»,
Вам не сносить бы головы.

N.B.

Я любила бы овощи — если б только не брокли.
Я любила бы дождь — если б ноги не мокли.
Я любила бы лето — если б так не потелось.
Я любила бы Вас,
Если б так не хотелось...

* * *

Тихо. Дом — словно обморок,
Только ходики тикают.
Вы меня испугаете —
И я стану зайкою.

Вот тогда вы начнёте
Извиняться и каяться,
Говорить, что такое —
Сплошь и рядом встречается..
И хвататься за голову,
И метаться по дому,
И звонить всем подряд —
И врачам, и знакомым.
А я буду молчать
И смотреть укоризненно.
А вы будете мучаться и терзаться —
Пожизненно.

ПО ТУ СТОРОНУ

По ту сторону — люди чёрные живут.
По ту сторону — люди зверями слывут.
Мы не видели самих, но мы слышали.
О них знает стар и мал, кошки с мышами.
Говорили нам про них деды-прадеды,
Что нечистые в лесу с ними ладили.

Чтоб не крали впредь луну в ночь беззвёздную,
Мы обрушимся на них силой грозною.
Мы прольём их злую кровь — волчью, заячью,
Будут вепрями кричать, умираючи.
И не скряться им от копий карающих —
Мы их будем догонять, убегающих.
На закате добивать будем раненых,
А уж после — ихних жён, запоганенных.

И падут они там все — тьмы и тыщи,
И сравняются с землёй пепелища.
Остальное — разнесут птицы-вороны.
И всё станет хорошо по ту сторону.

* * *

Мне кошка вслед кричала: «Дура!»
И пыль слетала с абажура,
Когда я хлопала дверьми:
Ты этого хотел? — Возьми!
Меня крутило и вело,
И я искала помело —
Нашла. Слетала. Помогло —
И отошло, и отлегло...

И нам ли, милый, быть в печали —
Цветы и ужин со свечами...
Хотелось жить, хотелось петь,
Хотелось лечь и умереть.
И слёзы капали в вино.
А свечи гасли — и темно...

Соседка знает за стеной,
Что мы живём как муж с женой.

* * *

Лизе

Ты думаешь, что если ты летаешь,
То и все летают — ан нет!
Летают только глупые и добрые, мой свет.
А чтобы вот за художника,
Да ещё за еврея —
Тут надо бы остороженько,
Это — как лотерея....
А если и он летает —
Опаснее не бывает.

* * *

Лизе

Она была прекрасна и чиста,
И были высоки её полёты,
Она читала Моцарта с листа
И думала, что Моцарт — это ноты.
Она брала волшебный свой смычок
В прекрасные, *поставленные* руки,
Она играла Моцарта — как бог
И думала, что Моцарт — это звуки.

Вот скрипка. Сцена. Вот она сама.
И зал — как души спасшихся из Ада.
Она сводила публику с ума,
И думала, что так оно и надо.

* * *

...А на заднем плане — цыгане
И цыганки — Груни да Мани
Вам подарят любви и взгляда —
Ровно столько, насколько надо,
Но посмотрят на вас, не видя,
И в глазах лишь одно: «Изыди!»
И плевать им на ваши слюни —
Они гордые Мани и Груни,
И судьба у них — тёмный омут,
И у каждой в кармане — ножик...
Вам бы лучше идти до дому
И не трогать их грязных ножек.

Вам же нужен души кусочек,
А душа там — совсем другая,
И не то, чтоб чернее ночи,
А заглянете — испугает,
И захочется вспомнить Слово
И раз двадцать перекреститься...
Если батюшка не суровый,
То вам это потом простится.

* * *

В ту ночь меня боготворили,
Слова взлетали и парили,
И я внимала, не дыша,
Тому, что дивно хороша...
...как состоявшийся поэт.
А мне бы — так убавить свет..

Речь шла о том, что много званных,
Но мало — ТЕХ,
И, что не всякая «Осанна!»
Идёт наверх,
О разработке материала,
Заточке фраз...
А я тихонько умирала
От этих глаз.

И шли накатом, нарастали
В висках лавины «Болеро»...
Но руку мне поцеловали —
«Как длань, державшую перо».

И женщина в моём лице
Тогда в лице не изменилась,
Я даже, помню, извинилась —
Уже потом, уже в конце.

* * *

Да, я люблю Вас — а то Вы не знали,
А то Вы лишь только вчера родились,
А то Вы считали, что руки дрожали
Лишь только у крупных и мелких актрис.

А то Вы решили, что можно спокойно
Прожить свою жизнь, никого не сгубив,
Что правда — не правда, а больно — не больно, —
Чудесная песня, но гнусный мотив.

Вы верите в Бога? — хотя бы немного,
Хотя бы настолько, чтоб страх обуял
При виде крутого чужого порога,
Чужих простыней и чужих одеял?

И ежели — да, то Вам будет спасенье —
Мерцающий свет, путеводная нить,
И светлая радость, и дивное пенье...
А ежели — нет, то не мне Вас учить...

* * *

Мне с тобой — не детей крестить.
Но тому, чему быть — быть.
А для тех, у кого — честь,
Тем и пуля, и лоб есть.
Ну, а если стыда — нет,
То на нет — и суда нет.

* * *

Ах, да... Ты опять хочешь правды.
Её я имею — полно́!
Но только из длинной цепочки
Одно выпадает звено...
Потом выпадает другое,
И мы уже вяжем узлы,
И речь осторожной дугою
Скользит, огибая углы.
А вечер уж близится к ночи,
И не было этого дня,
И ты уже правды не хочешь,
И нету её у меня.

* * *

То ли это дерево качается,
То ли это Боженька печалится,
Как-то это странно получается:
Наступил февраль — и не кончается.
Господи, прости меня, нетрезвую,
Господи, не то чтобы я брезвую..
Мне Твои сокровища несметные —
Всё равно что мальчишки балетные.
Господи, я так Тебя люблю!
Пригляди за мной, а я посплю...

* * *

...И опять матрос повешенный
Приходил,
И по стенам взглядом бешеным
Проводил,
И стонал там, светом залитый, —
В темноте...
Ох, не тем я, право, занята —
Ох, не тем.

Что ни сон — то вынимание
Из петли.
Окна дразнят расстоянием
До земли,
Оголённой позолотою —
Провода... —
Не туда мозги работают,
Не туда.

* * *

В Риме лето лежит недвижимое,
Время есть понятие растяжимое —
Эти римские цифры на арабские числа,
Не лишённые стати, но лишённые смысла,
Когда будит ночами и находит волною
То, что снилось в сиесту, а случилось зимою.
И уже всё равно, что слова, что дизезы —
Мне что *ёбтваюмать*, что культурные срезы —
Эти нимбы да ямбы
Золотистого цвета,
Да виола да гамба,
Да конец света...
А потом все женятся, зло наказывается...
Жаль, что сказка ваша не скоро сказывается.

* * *

Опять любое «здрасьте» бьёт по нервам,
Опять второе Я не дружит с первым,
И в мире, где погашен белый свет,
Любое слово сводится на нет.
И нет конца. И не хватает зла,
Когда поют «Печаль моя светла...»

* * *

Эта глупость лебединого периода,
Эта пропасть на разломе бытия,
Эти неводы, где рыбой бьются выводы —
Все про то, что «лошадь не моя»...
Ты любя убьёшь — и не заметишь,
Ты, любя, заметишь — и убьёшь...
Идиш — это средство, а не фетиш.
Ты мне не по милому хорош.
Мы тебя ещё досочиняем:
Ты мой белый-белый, белый лист.
Ты ведь только с виду дядя Хаим,
А в душе ты парень-гармонист.

* * *

Если ты такой хороший,
Почему жедохнут рыбки,
Если ты на них посмотришь
Так, как смотришь на меня?
Если ты такой хороший,
Почему тогда так зыбко,
Почему тогда так зябко,
Почему народ слинял?
И уж коль я не такая,
Не того, сам знаешь, сорта,
Коль взаправду я такая,
Кем казаться я хочу,
То скажи, какого чёрта,
Нет, скажи, какого чёрта,
Объясни, какого чёрта
Я здесь всё ещё торчу?

* * *

Всё что угодно — но только по-польски,
Чтоб я ни слова понять не могла,
Что где-то там в Гданьске, или Подольске
Какая-то баба ему родила.

Всё что угодно — но только на вдохе:
Линия фронта и вражеский тыл,
Крупные формы и малые крохи,
Ангелы, птицы и твари без крыл —

Всё что угодно — и бред с наваждением,
И откровенье раскрытых окон,
Неудержимо манящих паденьем —
Всё что угодно — но только не он.

* * *

Мой терем — на краю земли.
Бояре, вы зачем пришли?
Молодые, я сейчас спущусь —
Я вот только застегнусь, расчешусь.
А когда я к вам сойду на крыльцо —
Молодые, не смотрите на лицо —
Ой, черно оно черно в свете дня,
А вот ночь — она как день для меня:
Я седую расплетаю косу́
Да с берданочкой гуляю в лесу,
Да у речки на крутом берегу
Всё стою-хочу-взлететь-не-могу...
А ведь раньше я весёлая была,
Всем давала — одному не дала.
Он потом ко мне пять дней приходил,
На шестой пришёл — убедил.
И будь проклят он навеки, тот день:
Я потом за ним полжизни — как тень.
Я что было — вспоминать не хочу —
Лучше я пойду над речкой взлечу.
Помню только белый лоб да пробор...
А берданочка со мной с этих пор...
...А мой терем на краю земли —
Ой, бояре, вы пошто ушли?

* * *

Совсем немножко, для разогрева,
Рюмашка справа, а сердце слева.
И станет легче, и станет лучше,
И слово к слову потянет ручки,
Они сплетутся в неразберихе —
Сначала громко, а после — тихо:
Так тихо-тихо, но дружно-дружно,
И станет как-то совсем ненужно —
Ни песни нежной, ни мысли книжной,
Ни бури снежной, ни чакры нижней.

* * *

Есть просто улицы
и улицы,
Где тени кажутся длиннее.
Когда две девочки целуются,
То им, наверное, виднее...

Такие девочки хорошие...
Мне б тоже что-нибудь в оборочку...
Такие редкие прохожие...
Такая улица под горочку.

* * *

На Портобелло музыка играет,
И сразу вспоминаешь теплоход.
Махнёшь рукой — и сердце замирает,
Который год, уже который год...
Цветы завянут, птицы перестанут,
И ты поймёшь, что лето пролетело.
На Портобелло всё равно тебя обманут,
Но невозможно не пойти на Портобелло.

* * *

Принять меня за чистую монету —
Ах, *божемой*, вольно же было Вам!
Вам надо больше воздуха и света
И меньше припадания к словам.

Жизнь — умное дитя в своей природе...
И ничего, что зубы в три ряда.
А женщины приходят и уходят —
Вокзалам наплевать на поезда.

* * *

Небесными силами, лисами, лесами, лóсями —
Я заклинаю Вас — не трогать осени.
Играют все — кто б они ни были —
Конокрады, кони ли...
А Вы — тронули, значит — выбыли,
Но ещё не поняли.

* * *

Старый Царь меня искал —
Причитал, как маленький,
И чулочки целовал,
Брошенные в спальне.
Гладил туфли, говорил:
«Ах вы, туфли-лодочки...
Мысок, каблучок...
ножка посере́дочке...»

Он не мог ни есть, ни пить,
Ни лежать на печке —
Холуям велел рубить
Польню на речке.
И шагнул за кромку льда,
Сам себя жалеючи...
Ох, смеялись же тогда
Мы с Иван-царевичем!

* * *

Скажи, мы всё ещё друзья,
Или уже друзья навечно —
Той дружбой, что с утра нельзя
Запить рассолом огуречным?

Я это, собственно, к чему:
Ты очень занят был в Крыму?
Ты мне скажи: да-да, нет-нет —
Каков вопрос — таков ответ.

* * *

Когда мне снится, что тыходишь —
Я просыпаюсь.
Я не высыпаюсь...

Мы спорим, спорим — и я просыпаюсь,
Когда уступаю.
Я недосыпаю...

А ещё мне снятся пальмы
И всё, что знойно,
И я уже измучилась совсем.
Мне бы поспать спокойно
Часов семь.

* * *

И ты пойми одну такую простую вещь,
Что можно в комнату пустую
войти — и лечь —
Вот так, свалиться наповал —
Навечно, на пол,
Но только чтобы этот кран
На кухне капал —
Чтоб захотелось вдруг дождя
Стеной по окнам,
И чтоб сбивал на слове «я»
В «сейчас я сдохну».

* * *

Ну и как мне теперь быть?
Ну и что мне теперь делать?
Я, конечно, умею выть —
И не просто — а выть, как нелюдь.
А ещё я могу сплясать
Африканский такой танец,
А ещё могу нож взять
И отрезать себе палец,
И решить, что уже согрелась,
И начать продолжать жить —
Только что мне теперь делать?
Только как мне теперь быть?

* * *

Конечно, конечно... такая преграда...
И если «так надо», то, значит, так надо.
И я не в обиде, я баба не злая.
Я Вас поцелую и Вам пожелаю:
От этого «надо» —
До самого ада
Живите не кисло —
Отныне и присно —
Отсель — и дотоле.
Аминь, что ли...

* * *

...А душа есть
И она болит
И с нею нянчатся, как с ребёнком:
Накормят, вымоют и уложат спать
И сказку расскажут
И свет оставят...

2010

* * *

Вот ведь, как оно получается...
Обознатушки-перепрятушки.
Значит, всё оно продолжается,
Продолжается — ну и ладушки.
Где шампанское — там и фантики,
Стынут розы на подоконнике.
Удивительная романтика —
В понимании пани Моники.
Я ж сломалась об этот слалом,
Закрутили крутые горки.
Казанову играют дамы,
А меня — аж тошнит на галёрке.
С головой разобраться, что ли?
Не могу я её донашивать...
Я один раз спросила — доколе?
А второй раз не буду спрашивать —
Разве только что — там, на исходе,
Тихим шёпотом — вот о чём ещё:
Это всё так само происходит,
Или якобы с Божьей помощью?

* * *

И хотя Вы так вот смотрите на меня удавом,
Говорите мне Вы то же самое, что и я Вам.
Только я Вам — бережно, по продольной,
А Вы рвёте поперёк — это больно...
А потом у нас с Вами начнётся разбор полётов,
И я Вам буду говорить про свою ранимость.
Раньше это выдерживал только каждый сотый,
Пока я на первых трёхстах училась.
А теперь мне даже и рассказать-то некому,
Что ноги слабеют, когда со мной по-хорошему...
Была бы девочкой — написала бы Бекхэму
Про то, что все перины у меня на горошине...
А мы с Вами, стало быть, будем дружить семьями —
Как русский со шведом после Полтавы,
И я этот взгляд Ваш потом перейму со временем —
Будем просто глядеть друг на друга —
Как два удава.
А я вообще-то зашла по делу:
Что-то было гнетущее, несоразмерное,
А вот теперь и не помню даже, чего хотела...
Господи, боже мой... Вас, наверное...

* * *

И позовут из Мира Нижнего —
Звеня, трубя:
*Возлюби жену ближнего,
Как самого себя...*
И дышится легко над бездной той,
Ветра свежи.
И чей-то голосок надтреснутый:
«А ты не бжи!»
И сядет солнце, не мигая,
За окоём —
Не возражая, и не пугая
Небытиём.

* * *

Он на неё залип, залёг —
Как мотылёк на василёк,
И был их путь далёк-далёк,
И только в печке уголёк
На них смотрел, смотрел, смотрел —
Пока совсем не догорел,
Пока совсем не угорел
От этих слов, от этих дел,
От этих длинных белых тел.

* * *

Он ведь как мне говорил —
Жарко-жарко:
Всё, что хочешь — всё твоё —
Мне не жалко!
Ах, какая у тебя ручка белая...
Я что хочешь
Для тебя сделаю...
А с утра всё забывал —
Начисто.
Да ещё меня ругал
За ведьмачество.

* * *

Вы не из тех, кто падает с моста,
Чтоб жизнь закончить с чистого листа,
Вы просто сосчитаете до ста —
И до утра: Вы знаете места.
А утром Вы начнёте, где вчера...
И к Магомету спустится Гора,
А всё, что остаётся за бортом —
Пусть воду пьёт — и никаких потом —
Потом — и суп с котом, и куры в ошип,
А Ваше всё останется при Вас,
Плюс я, как что-то тёплое на ощупь,
И две других, приятные для глаз.
Плюс целый мир — без края и конца,
И взять его легко, зайдя с торца.
Вы будете молиться перед сном
Тому, кто запустил Ваш метроном,
А мясо Вам захочется сырым...
Вы знаете, куда ведут дороги в Рим.

* * *

Смеркается. Тучи повисли.
Не смотрит всевидящий Бог... —
Мне нравится ход Вашей мысли,
И выдох, сменяющий вдох.
Мне нравятся тёмные шторы,
И то, что не стоят труда
Балетные «па» разговора,
Ведущего невесть куда,
Размытость любых очертаний,
Понятий и *статуса-кво*,
И я ради всей этой дряни —
Умру. Но не боле того.

* * *

В славном городе таком Дюссельдорфе,
Средь немецких несмываемых морд
Пили слабенький такой кофе,
Ели сладенький такой торт..
Понимали каждый взгляд с полуслова,
Заказали *Johnnie Walker* без льда —
Потому что так когда-нибудь снова —
Мы, наверное, уже никогда...

* * *

Не нужна ему ты, милая, не нужна —
У него есть Божья Заповедь и жена
И тебе такие, золотко, не нужны —
У них даже сны безгрешные,
Даже сны

А твоя подушка горькая — горяча
Он тебя приходит мучает по ночам
Что посмотрит, что дотронется —
Жгёт огнём —
Даже днём, бывает, стонется,
Даже днём.

* * *

Я же не просто по дому хожу —
Я же с ума потихоньку схожу,
Я же по тонкому-тонкому льду
На Вашем коротком иду поводе.
Ни звука, ни света, Вы — там, а я — здесь:
Меня — как бы нету, а Вы — как бы, есть.
И сколько верёвочке этой ни виться —
Кому-то придётся на ней удавиться.

* * *

А по весне в открытое окно
Влетит такое маленькое «но»
Она проснётся — а оно в груди
Он: «Что с тобою?» —
Взвизгнет: «Отойди!»
...Она начнёт глядеть издалека,
Она начнёт струиться, как река,
Закатывать глаза, цедить слова,
Снимать себе пылинки с рукава
И бегать на Центральный Телеграф
А он её убьёт и будет прав.

* * *

Я уеду — ты останешься.
Ты рукой ко мне потянешься —
А меня уже там нет —
Только воздух, только свет,
Только блики, только токи,
Да разорванная сеть...
Ах, какой ты одинокий —
Любо-дорого смотреть.

* * *

Пальто — моё, а в кармане — рюмочка.
Не помнишь, у меня была сумочка?
Мне бы виски глоток, да мёда к чаю,
Только — тише, тише, я знаю, знаю:

Отмолить — отмолишь, да не отбелишь,
И ещё про площадь, где три вокзала... —
Ты так мягко стелишь, так мягко стелишь,
А я так устала, я так устала...

* * *

О Господи, ведь Ты не покараешь?
Всемогущ, всеведущ и незрим —
Ты знаешь, что я знаю, что Ты знаешь...
Мы с Тобой потом поговорим.

Я не очень сильно разбираюсь
В том, что мне Твой ангел тихо пел...
Можно, я пока что поиграюсь
В то, что Ты припрятать не успел?

* * *

Ах, Семён Семёныч!
Нам бы с вами вальсочек...
А вы вот так вот умеете —
С пяточки на мысочек?
А вы своё детство помните?
Ну, девочки там, пионервожатые...
Да что вы смеётесь, полноте...
А вы почему неженатые?

*(А я ведь знаю про тот ваш случай,
Когда весь город лежал в падучей...
Но то, что было в Орехово-Зуево —
Оно в столице недоказуемо.)*

А вот вы про меня ничего не знаете —
Только догадываетесь:
Я же вижу, как вы меня вычисляете,
Я же чувствую, как вы вглядываетесь...
Но только — пустое оно, пустое,
Я бы и рада, но я не стою...
Когда бы во мне жила только одна сволочь —
А ведь их две — утренняя и вечерняя...
Нет, не судьба нам, Семён Семёныч,
Пойду я, что ли уже, наверное...

* * *

«Зачем вы сами назначили эти роковые шесть шагов?»

М.Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»

...А он мне говорит: хуйня это всё, ваша светлость,
глупости,

Главное — вовремя отойти от пропасти:
Туда ведь глянешь, и голова — что мельница —
Тут был у нас случай такой похожий...
А чем виноватей — тем легче целиться,
Так что вам, ваша светлость, сам бог поможет...

...А я ему говорю, что было совсем не больно,
Что вот только птица вскрикнула — испугала,
И что покойная Любовь Анатольна
На меня посмотрела и не узнала...

ТРИПТИХ

I.

Отдайте мои электронные письма,
Чтоб я их сожгла на оплившей свече —
Несдержанность слова, растерянность мысли,
Кричащие страсти в альтовом ключе.

Возьмите всё то, что осталось в осадке:
Несдержанность мыслей, растерянность слов —
Всё то, что хранится в заветной тетрадке,
Не оставляя ненужных следов.

II.

Мой маленький почерк Вам мало понятен,
И слёзы мои высыхают без пятен,
И то, что написано этим пером —
Оно никогда не кончалось добром.
Но то, что приходит само по себе —
Оно и проходит само по себе... —
Я Вам это просто со знанием дела,
А вовсе не то чтобы там по злобѣ.

III.

Держаться на плаву,
Хватаясь лишь за строчки,
От каждого Ау! —
На мелкие кусочки.
Невидимая плеть,
Неведомая сила —
Чтоб Вам так не болеть,
Как Вас она любила.

* * *

На свету мысли тёмные,
В темноте — светлые —
Нигде не числятся,
Нигде не значатся...
На свету лучше думается,
В темноте лучше плачется.

* * *

Милый, любимый, ведь это — для взрослых,
А нам же с тобою — расти и расти...
Быть может, когда-нибудь, как-нибудь...
После.
Мы плюнем на всё и собьёмся с пути.
И скажем друг другу: какая досада —
Какая досада, какая беда,
Что нам ничего уже больше не надо,
Что всё это — смех, и не стоит труда.

* * *

Вы своё, а я своё — на закорочки,
Не заметим, как дойдём
До пригорочка.
На пригорочке том — дом,
Белоснежный, словно кокон —
В этом коконе моём
Нету двери, нету окон...
Мы могли бы там пожить.
Мы могли бы там остаться...
Моё дело предложить,
Ваше дело — отказать.

* * *

А вообще-то я из «погорелого»,
Я вам — на раз:
От стона тихого до взгляда белого
Остывших глаз.
Мои картинки все — сплошь акварелями:
Поплюй — и нет,
А вы, как маленький, всему поверили —
Вам сколько лет?
Бежать вам от меня, да не прихрамывать,
Чтоб *never* впредь,
А мне всю жизнь, видать, её доламывать,
Мою комедь.

* * *

Ага, Матильда, теперь я тут.
Всё жду, когда же они допрут,
Что Земля не такая уж плоская,
Что Бог един, а человечина — жёсткая.
Вот, разве что сердце — такое мягонькое.
Такое маленькое.
И скулит волком.
Ему ведь и не объяснишь всего,
С ним не поговоришь толком —
Уж больно мягонькое.
Пойду-ка лягу-ка я.
Глаза закрою, усну, проснусь —
А мир-то — сучий.
Матильда, а можно я к вам вернусь?
У вас там лучше.
У вас там встанешь — и хоть бы кто —
Лишь ты да небо,
А если кто-то когда-то был —
То был, как нё был...
...И ни с каким покоем в мире не сравнится
Надёжность двух босых ступней на черепице,
И всё уже утратило значенье,
Приобретя звучанье и свеченье,
И, ежели тебя не окликают,
То та рука на горле — отпускает,
Лунный свет ложится на плечи
И просвечивает...
А у нас лунатиков лечат.
И вылечивают.

* * *

А мой муж сказал, что ты —
Наглый и самодовольный,
Что ты смотришь на людей
С высоченной колокольни,
Он сказал, что он таких
Пресекает без ошибки —
По улыбке, по глазам.
Особливо по улыбке...

* * *

Сам возьми себе стаканчик, если будешь.
Воровство, конечно, лучше простоты —
Но скажи, ведь ты меня не любишь?
Любят все. Не любишь только ты.
Хочешь знать, по ком звонит тот колокол,
И откуда столько воронья? —
То меня по жизни тащит волоком.
Это, знаешь, жизнь. Плюс-минус я.

Посидим — и час зачтётся за́ два.
Помолчим — и рюмочка, как две.
Тебе что-то надо? Мне не надо —
Я уж чижик-пыжик в голове.

* * *

С лева бока — ножка правая,
С права бока — ножка левая.
И слова мои — корявые,
И делами Бога гневаю.

То направо перекошена,
То налево. Вот ведь надо ведь...
А хотела быть хорошею,
Чтоб собою только радовать —

Чтобы речь держать — напевами,
Чтоб ходить повсюду павою,
Чтобы слева — ножка левая,
А по праву руку — правая.

* * *

*«Кто там в малиновом берете
С послем испанским говорит?»*

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»

Как хорошо, что скоро лето —
Уже совсем, уже почти...
Заката цвет — как цвет берета,
Что у замужних дам в чести.

А дни становятся длиннее —
День ото дня, день ото дня...
Да и люблю я Вас сильнее,
Чем Вы не любите меня.

* * *

Я б задушила музыковедов и ковыряльщиков,
Способных придраться к тому, как поёт хор мальчиков.
Если он мальчик, то это не значит, что он дрожит —
Хор мальчиков Баха в церкви поёт,
а впрочем,
Хор девочек лучше, чем хор мальчиков —
звонче и слаженней.
А мальчикам явно не достаёт косых саженей...
А девкам под блузками не достаёт белья нижнего...
Я б всех их любила, но достаёт любовь к ближнему.

* * *

Вот ты меня держишь за суку отвязную,
А я ведь давно уж совсем не такая —
Я только церковные праздники праздную,
Я только святейшую воду алкаю.
Я только ступаю отсюда — досюда,
А скажут, не надо — и это не буду.

Я слышу ночами пространные речи:
Со мной говорит кто-то чуждый и взрослый,
С дверьми происходят престранные вещи —
Я всё расскажу, но когда-нибудь после.
С душой мы на «ты» — вона наша аптека:
Ей дозу накаплешь — она и парит.
Лишь там, где ступала нога человека,
Она всё равно почему-то болит.

* * *

Там, где у Сфинкса кончаются лапки —
Там начинается всё остальное,
Там иудейки, они же арабки
Прутся от шмотки с кровавым подбоем,
Там начинается всё, что я помню:
Снег почерневший лежит и не тает,
Чудище обло, озорно, огромно —
Сволочь стозевная — лает и лает...
Там начинаются эти могилы,
Эти родильные нахуй дома,
Где не проходят потуги вполсилы,
И акушерка орёт, чтоб — «сама»...
Крестная сила, клыкастые бабки,
Вечная карма и грехЪ, что на «ять»...
Там, где у Сфинкса кончаются лапки,
Лучше не нужно подолгу стоять.

* * *

В двери, тяжестью литые,
Я войду, себя склоня,
Чтоб угодники святые
Не заметили меня.

Можно встать у самой кромки,
Возле самой у стены,
И повсхлипывать негромко,
Чтоб не видно со спины:

Почему я всем мешаю,
Говорю не те слова?
Почему свеча большая,
А горит едва-едва?

А туда ли льются слёзы?
А тому ли я дала?
В этой клинике неврозов
Золотые купола...

* * *

Слова — хорошие-хорошие,
Поскольку мы едва знакомы.
Ещё не видел ты подножия,
Поскольку очень высоко мы.
Глаза весёлые-весёлые,
Поскольку ты ещё не понял,
Что мы с тобою разнополюе —
Там тонут все. И мы утонем.

* * *

Господи! Сердце — всего лишь моторчик —
А почему так швыряет и корчит?
— Это не порча?
— Это не порча.
Это проходит, но терпится молча.

* * *

Он смотрел в трубу подзорную
На свою большую жизнь,
Если видел птицу чёрную —
Выстрел влёт — и птица — вниз.
Его руки не канючили —
Раздавлив кадык судьбе,
Он из женщин выбрал лучшую
И привёл её к себе.
А Судьба смеялась гаденько:
«Ой, неправда ваша, дяденька!»

* * *

Чьи-то пальцы пахнут ладаном,
А моим ещё тепло.
Я сижу под Баден-Баденом,
Пью вискарь, грызу стекло.

И дивлюсь, как всё продумано,
И колюсь на полумрак...
Пианист играет Шумана —
Мне от Шумана — никак.

Мне вообще всё нынче хихоньки.
Отсмеюсь — шагну во тьму —
Прям туда, где каждый тихонько
Топит сам свою му-му.

* * *

...И будет в этой точке много строчек —
И девичья горячая слеза,
И синенький засморканный платочек —
Кондуктор не нажмёт на тормоза.
И улетит с воздушным поцелуем
Всё то, что раньше плакало и пело,
Поэтому, давайте потанцуем,
Пока уже почти, но не стемнело.

* * *

А я не знаю, чем оно кончится
Крошить оно будет жизнь, или скрашивать
Оно закончится, как Вам захочется
И не меня Вам об этом спрашивать
Я теперь больше люблю обыденное
Сервизы очень люблю обеденные
А привидения, сновидения, ясновидение —
Это теперь уже не в моём ведении

* * *

Ох уж эти ваши вериги у чресел! —
Вам бы только напридумывать себе горе.
У меня ведь их тоже есть, этих песен,
И не меньше вашего тех историй —
Таких историй, что вы забудете,
Откуда родом всё ваше умное,
Откуда дети те, откуда люди те,
Откуда море здесь, такое шумное...
Откуда голос мой, такой прерывистый...
Зажгутся вывески, погаснут вывески,
Исчезнут люди те, исчезнут дети те —
Вы не увидите, вы не заметите...

* * *

А я Вас люблю — до озноба, до коликов,
До всякого рода неясных вещей —
От мыслей о вечном — до мыслей о кроликах,
И страха при мысли о вечной ничьей.
И мужу я всё рассказала от ужаса,
И он мне впервые поверить не мог...
И кружится, кружится, кружится, кружится,
Уходит, уходит земля из-под ног...

* * *

А я иногда ухожу на свободу.
Особенно часто — в последние годы.
Порой забреду — так, что страшно самой.
Страшней всего было минувшей зимой.

И всё-таки я дотянула до лета.
Пришли человечки зелёного цвета.
Уходят, и снова приходят они.
Особенно часто в последние дни...

* * *

А Вы со мной так нежно и так косвенно,
Что я сейчас вот лягу и умру.
Меня не досчитаются по осени
На том чужом и радостном пиру.

И по привычке, в косвенно-винительном,
Поправив мельком пряжку от ремня,
Вы скажете, что Вы меня не видели
И вообще не знаете меня.

* * *

То ли было мало у меня веселий,
То ли недобрала я этих каруселей...
Вы меня раскрошите
Словно «Ленин» — льдину:
Мне оно — как лошади
Капля никотину...
Вы меня полюбите —
А потом забудете.
Вы меня пригубите —
А потом не будете...

* * *

Плачут белые медведи на севере,
Плачут бурые медведи на юге,
Плачут птицы на берёзе на дереве,
А другие рядом плачут на дубе.
Плачут люди — те, что только родились,
Плачут те, что умирать собираются:
Твои слёзы-то уж, милая, слились —
Вот они все за тебя и стараются.

* * *

О, бедная, вам так хотелось
Взойти на брачный пьедестал,
Когда под спудом одеял
Он вас с собой отождествлял.
Весь этот свет, вся эта белость —
Вам так хотелось, так хотелось —
Тех фотокарточек на стенах,
Того дитя из общих генов,
Чтоб всё оттаяло, согрелось —
Стоналось, до чего хотелось...

* * *

А я — как рыба. А рыбы — немые.
И мы три раза закрыли тему.
Зачем мой мир превращать в сумятицу,
Приснившись мне с четверга на пятницу..
Ваш мир — творенный,
Мой — пальцем деланный,
Вы — по наитию, я — с испугу.
У меня — тараканы,
У Вас — демоны —
Они никогда не поймут друг друга.

* * *

Взошла в зенит моя печаль,
И не было её огромней.
И целый мир не понимал,
Пошто оно *реве та стогне*.

А день сменялся тем же днём,
Всё та же ночь глаза смежала —
Часы стояли на своём,
И время им не возражало.

* * *

Он говорил мне: «Будь ты моею...»
И я не могла отказаться быть ею.
Он говорил мне: «...от страсти сгорая»
И *молча* добавил: «Не ты, так другая...»

* * *

Тоненькие ручки, узенькая спинка,
Если ты блондинка — то везде блондинка.
В реках и озёрах замутились воды —
Ах, какие нынче дивные погоды!
Вам какое дело, что там под водою —
Дело-то не ваше, дело молодое.

Ну-ка, ну-ка, ну-ка,
Стой-ка, стой-ка... Кто ты?
Мальчик белозубый, мальчик красноротый...
Ах, какой ты, право, мальчик молотчина...
Каждый, кто захочет, может стать мужчиной.

* * *

Избави нас Боже допытывать психа,
Почём у него его чёрное лихо —
Угарные дни, одинокие ночи,
Где за ночь раз десять —
То ляжет, то вскочит,
И память проходит ознобом по коже —
Избави нас, Боже!
И вас, кстати, тоже.

* * *

В одну и ту же реку
Дважды
Да что там — каждый!
Ступню *по самое* разрезая
Река — всё та же, ничуть не гаже —
Нога другая

* * *

А на сладкое у нас — сладкое
А на горькое у нас — горькое
А на горькое я — падкая
Но зато на сладкое стойкая

* * *

Я хочу к тебе —
каждой клеточкой,
каждым листиком своим,
каждой веточкой
Ты бы звал меня своей деточкой,
Бил по праздникам табуреточкой,
То Мариночкой бы называл меня,
то Светочкой,
А я бы вздрагивала каждый раз
каждой веточкой

* * *

Мне без тебя — не можно и ненужно.
Мне у тебя — недолжно и нельзя.
Я не из тех, кому судьба на ужин
Даёт вино и режет поросю.

Да, про свиней... ведь ты мне не ответил
На два письма (то, третье — не в счёт:
Я знаю, что однажды этим третьим
Меня Господь при встрече попрекнёт).

Ах, да, Господь... я тут ходила в церкву,
Но как-то не дошла до алтаря:
Меня вдруг затошнило, всё померкло,
И девки мне несли нашатыря.

Да... девки...
Девки ходят табунами...
И табунами ходят, и поврозь,
И смотрят ненасытными глазами
Хотящих в небо бурлаковых фрось.

Блин, Фрося...
Я ведь, знаешь, денно-нощно —
Прям как она: тарам-тарам-пам-пам...
Мне очень помогают, между прочим,
Таблетки под названьем тазепам.

* * *

Время боронить, время скашивать...
А Вы будете ходить и всех спрашивать:
А не видели вы тут странной тётки? —
Всюду будете искать меня — не найдёте.
Потому что все кругом:
— Нет, не видели...
Вы, должно быть, её обидели...
А Вы им: да что вы?! Да нет, ни в жисть!
Растерянно глядя распухшую кисть...

Нам ведь как говорили: ищите — обрящете —
И сладкие кости, и мягкие хрящики.
Но только ведь там — не «чего изволите»:
Там надо всё объяснить, рассказать...
А Вы мелко цедите и крупно молитесь —
Как пить дать!

* * *

В тот день не досчитались дня.
В ту ночь — не досчитались ночи.
За неимением меня,
Ты волен счёт вести, как хочешь.

Возьмём за факт, что счастья нет.
Хотя я знала очевидцев:
Их растворил тот лунный свет —
К нему нельзя приноровиться.

* * *

Я ухожу.
Пусть там темно,
Пусть там ступеньки —
Мне не понравилось кино,
Верните деньги.

Там, где убудет десять раз —
Сто раз прибавится.
Я оставляю Вас на Вас —
Желаю справиться.

* * *

Теперь мне так странно, что это случилось...
Была ли то милость, была ли немилость —
Прекрасная глупость, ничтожная малость.
Намного огромное то, что осталось:
Я буду сто лет забывать Ваше имя
И путать хорошие вещи с плохими,
И память моя будет делать круги
Туда, где табличка: «Сюда не моги!»

* * *

Я ржу как Анка-пулемётчица,
Мне хорошо, мне в кайф и сытно —
Вам до того меня не хочется,
Что самому немного стыдно...
А дело в том, что я сорвавшись
С цепи — с одной, с другой и с третьей,
В бега подавшись, завравшись...
А мама как звала Вас — Петей?
А можно, я вот так немножечко
Чуть-чуть подвину вашу рюмочку,
И две серебряные ложечки
Ко мне нырнут как рыбки в сумочку:
Они к той первой там пристроятся,
Поскольку Бог наш любит троицу...

А Вы могли б шептать мне на́ ухо —
Чтоб горячо и чтоб щекотно,
А то пойду и склею лабуха —
Вон хоть того — кого угодно.
А чтоб Вам взять меня за талию —
Да не сейчас, а там, на выходе,
Когда вселенскою печалию
Во мне дыхание повыхватит.
...И чем бы мне себя порадовать —
А можно мне мартини к торту?
Ой, это Вы опять — ну надо ведь...
А чтобы Вам не сдохнуть к чёрту?

* * *

А мать невесты будет в белом.
А сверху — в розово-лиловом,
Но никому не будет дела
До белоснежной той основы.

Отец невесты будет голым.
А сверху — в чёрном с белой грудкой,
И зубы будут частоколом
Белеть над каждой полушуткой.

А кто-то молча сядет рядом
(а рядом — будет, будет место!)
И не спеша разденет взглядом
Уже бухую мать невесты.

* * *

Бешеной собаке — семь вёрст не крюк,
А уж мне — подавно рукой подать.
У меня их, знаете, этих рук —
Даже и не пробуйте сосчитать.

Мне ведь было сказано: берегись Тельца!
А я — дура дурую — в два конца
Бешеной собакой, верста к версте,
Да с консервной банкою на хвосте...

* * *

Да кто сказал, что ты в ответе
За тех, кого ты приручил? —
Ну, пел ты им про всё на свете,
Стихи читал, мозги лечил.
Открыл им выси, глубли, дали —
Они летели, трепетали
И в предвкушении судьбы
Сходили медленно с резьбы.
Но даже там, тогда, в начале,
Ты знал, что всё имеет срок.
И даже дал себе зарок...
Но ты хранил их от печали,
Надеждой душу бередил
И в летний сад валять водил.

* * *

Если лодочку оттолкнуть,
так она же ведь — поплывёт...
Если море во след встряхнуть —
море лодочку зажуёт.

Хорошо в октябре уснуть,
а проснуться под Новый Год,
горькой лодочку помянуть...
И себя. И других сирот.

* * *

Таких, как я — ага... отличники,
Которых нынче днём с огнём,
А я в таком красивом лифчике...
Да нет, не так чтоб *только* в нём,
Я в этом лимбо, в этом городе,
В плаще до пят, в поднятом вороте
Стряхнувши дождь, сижу у стоечки
И пью добавочку настоечки.
Мой слабый мозг со мной играет
В моя твоя не понимает,
Он говорит: пять-шесть настоечек —
И за тебя заплатит троечник.

* * *

Похоже, дошла до точки:
Ни боли какой, ни злости
И взвизгнул под молоточком
Последний забитый гвоздик

И всё уже в среднем роде
И мир даже стал огромней
Лишь низ живота сводит
Когда о тебе вспомню

* * *

А я — двенадцати колен
Из рода гаваней —
Я не приемлю перемен,
Штормов и плаваний,
И этих белых кораблей
С крутыми мачтами —
Их караулит Водолей
И топит пачками.
И даже вас я не люблю,
Любуясь издали.
И не пристало кораблю
Просить у пристани.

* * *

Обратите внимание, милый,
как цветы поменяли цвета:
с нами кружатся тёмные силы,
а на вас даже нету креста.

И у вас даже нет оправданий,
а мои — никому не нужны,
кроме этой несчастной герани,
почерневшей у белой стены.

Вы прислушайтесь,
слышите — песни:
эта ночь переходит в январь,
мы, наверно, останемся вместе —
каждой твари положена тварь.

* * *

У белой ограды, у чёрной ограды —
У самой преграды мы будем стоять.
И Вы никогда не узнаете правды.
Вам и неправду лучше не знать:

На голос раздумий приходят печали,
На голос печали приходит беда...
Когда бы Вы знали, как Вы устали —
Вы б никогда, никогда, никогда...

* * *

Это то, что у вас называется
«Вы, наверное, милочка, спятили!»
Это то, что у нас прививается
С молоком вот такой же матери.
Это то, что само проплачется,
Это то, чему Бог судья,
Это то, что у вас не значит
В вашей Книге Небытия.

* * *

Я обещаю, Господи,
Я залечу все раны,
Ты же ведь знаешь, Господи,
Мне ещё как бы рано.
Ты вот прибрал мальчишку
С красного мотоцикла —
Парню пятнадцать с лишним,
А я тут уже привыкла...
А вот когда мне станет
Невыносимо тяжело,
Ты на меня поглядывай —
Я Тебе дам отмашку.

* * *

Я Вам чёрным по белому говорила,
Я Вам словом по разуму объясняла,
Что у каждой меры — своё мерило,
Что у каждой меры свои менялы —
Как дебилу дебелиному,
Как слепому без посоха —
Даже белым по белому,
По слезам — аки по суху.

* * *

Замужних людей не целуют в предплечье —
Об этом и нету, и не было речи.
Замужних людей — вообще не целуют,
Их чтят разговором и чаем балуют.

Замужние люди исполнены долга,
Замужние люди — всегда ненадолго,
И вы не особо скачите мустангом,
Когда они к вам залетят бумерангом.

P.S.

*Давайте, доживём до марта —
А там уже — как ляжет карта,
А там уже — коль будем живы,
Коль будем всё ещё нелживы...*

* * *

Он мне сказал, что Вас послал мне Бог.
А сам он был хромой и о копытцах.
Он мне сказал, что здорово продрог,
И попросил воды со льдом напиться.

А на «спасибо»:

— А причём тут я?

Я ни при чём, я только на раздаче,

И я — не я, и лошадь не моя...

— А Он, Тот, Кто послал?

— А Он — тем паче.

* * *

Вдоль дорожки моей
Кривенькой да узенькой —
Только сумасшедшие дома.
Вы меня нарочно этой музыкой
Сводите с последнего ума? —
Я опять прошла по той дорожке,
Я дошла туда, где поворот,
Где летят все пуговицы с застёжки —
Так, что их сам чёрт не соберёт,
И кричала: «Сдохните, панове!
Есть такая буква в этом слове!»
И ломилась в эти двери на стене —
То по чётной, то нечётной стороне.

* * *

Ну что, Елдырин, будем раздеваться,
Пока оно ещё изволит греть?
И вам совсем не стоит волноваться,
Мы можем просто мультики смотреть.
Закрыв глаза.
Вы — свой, я — свой.
И я ручаюсь головой,
Что ваш — про вечную печаль,
Про нескончаемую даль,
Где шли дожди, а после них
Никак не наступали зимы,
А Боливар любил двоих,
Чтоб всем троим — невыносимо.
Там три тропинки под откос,
И три нестрашных круга ада,
И три ответа на вопрос
«А нахера оно мне надо?»
А мой — узоры хохломой,
Одно сплошное «Боже мой!»
Такое чудо из чудес:
Звонящий день, поющий лес,
Где отпускаются грехи
На том же месте, где вершатся,

И даже третьи петухи
Молчат о том, что может случиться.
И «Вальс цветов», и Фея грёз,
И дуб, и кот, и цепь на дубе...
Лишь нет ответа на вопрос
«А хули он меня не любит?»
И пусть у нас не будет тайн —
You show me yours — I show you mine.

* * *

А ветер стих — и стало жарко.
Дошло, что псих — и стало жалко...
Как долго вниз летят качели!
Уже не вспомнить черт лица,
Одни сплошные дни недели,
Одни сплошные месяца —
Крибле-крабле,
Всё на те же грабли...

* * *

Я такая ваза —
Вам такой не надо,
Потому что сразу
Я колюсь от взгляда:
Вы меня не тронете —
А всё равно уроните.

2011/2012

* * *

Надышаться перед смертью,
Пролистать весь том страниц,
Разобраться с круговертью
Славных дней, любимых лиц,
Вспомнить, как земля кончается
При заходе на вираж...
И ещё успеть покаяться —
Это высший пилотаж.

* * *

Больные дни царевны Несмеяны
Пришлись как раз
На праздник Рождества.
И вообще, зима случилась рано,
А значит, рано кончатся дрова...

А кто-то пошутил, да неудачно,
И срок зимы продлил на сорок дней.
Царевне хорошо: царевна плачет —
Ей лучше всех, помолимся о ней.

* * *

...Как за синим океаном,
Да за чёрною горой
Жил в обнимку со стаканом
Тот лирический герой.
Он мешал с водою виски,
Чтобы легче было пить...

До чего же, сука, близкий
И родной. И нечем крыть...

* * *

Вы ж мои свидетели, ангелы-святители,
Как же те две девки друг друга ненавидели!
Ой, мои спасители, мы же все там были,
Как две эти девки одного любили —
Сильно кучерявого, больно развесёлого —
Первая-то тихая, слабая на голову,
В Новый Год тихонечко плакала под ёлочкой,
А с утра легонечко скинула ребёночка.
А другая — резвая, да не шибко трезвая,
Отыскала лезвие да себя порезала.
А он сизым соколом в облацех летаючи,
Всё, что ему надобно, делал припеваючи,
И слова хорошие даром не растрачивал —
Резвую — подначивал, дуру — поколачивал.

А теперь он старенький.
Старенький-престаренький.
У него есть Танечка, у него есть Варенька,
Радио на стеночке, да простынка белая,
Всё, что ему надобно, под себя он делает..
А слова хорошие, те, что не растрочены,
Проступают кожей в виде всякой всячины.
Экие-то небыли жизнь у нас городит..
Две девки за ним бегали —
Две бабки за ним ходят.

* * *

По синему небу летела
Невинная белая блядь...
А собственно, что я хотела?
Я просто хотела сказать:

С тех пор, как я больше не помню
Всё то, что хотела забыть,
Не нужно уже ничего мне —
Мне б только старуху убить.

Беззубая тихая гнида,
Моими ключами звеня,
Всё помнит. Поплачет для вида,
А в мыслях хоронит меня.

Босая на цыпочках ходит,
Брелочком стуча по ключам —
Она меня днями изводит
И душит меня по ночам.

Ни Бога, ни Сына, ни Духа,
Ни жизни, ни ночи, ни дня.
Придите, убейте старуху,
Потом отпустите меня.

* * *

Снова жизнь со мной вполголоса,
Как с душевно-неменяемой...
А я крашу эти волосы
В этот цвет непререкаемый,
А я крашу эти пальчики
Кровавленно-красным лаком...
Не найдётся ль у вас, мальчики,
Разменять полтинник с гаком?

* * *

Я с тобой — хоть за Онегу, хоть за Ладогу,
Только где же ты там видел эту радугу?
Я была там, и мне, знаешь, не особенно...
Там одни сплошные пни да колдоёбины.
А за ними, знаешь — жизненные трудности...
Там, где трое — там издержки многолюдности...

...А с чего ты вдруг подумал, что я бегая
С кем ни попадя за Ладогу с Онегою?

* * *

А тут у нас не хуже, чем у вас,
Хотя я не была давно на Крите.
А если честно — то всего лишь раз —
В сезон дождей и поисков укрытий.
Зато у нас в лесу есть тайный след,
Известный только знающим да ищущим:
Как ты велел, я передам привет
Всем зайцам и другим инакомыслящим.

* * *

Были шлюхи обвальны, были жёны дородны,
Были девы свежи,
Но нацелили похоть небогоугодно
Друг на друга мужи.
И сближались руками, и сплетались телами,
И сливались душой,
Забывая о Боге, а порой и о маме,
Что не есть хорошо.
...И не чаяли жизни, и не взвидели света
Друг без друга мужи...

Если долго не спится, лучше думать про это,
Чем о том, как ежи...

* * *

Смятенье душ не терпит суеты,
Где суета — там лишь томленья духа.
И да пребудут помыслы просты
И в простоте чисты, как вековуха.

Моя кривая линия ума
Видна лишь мне, когда я умываюсь.
Лишь мне, да ненормальной Ленорман,
Когда я до колоды прикасаюсь.

А я люблю девицу Ленорман,
Её, небось, совсем никто не трахал...
Я разве не рассказывала вам?
Наверно, нет. Вам сливки или сахар?

Меня вам как — с душою или без?
Давайте, без — так будет веселее:
Смятенье душ — оно всегда вразрез.
Душа с него болит. Потом болеет.

* * *

Запомнить эту дрожь и дождь,
И этот зонт складной нескладный,
И этот взгляд: по мне — хорош,
Бессмысленный и беспощадный...

...Забыть,
Что от него потом
Так пахло потом и скотом...

А после всё забыть — и дождь,
И этот зонт такой нескладный,
И этот взгляд... ну, был хорош,
Ну, да, хорош был — ну и ладно...

И помнить только, как потом
Разило потом и скотом.

* * *

Уже все пабы в городе закрылись,
А нам ещё слова склонять и спаривать...
И чтобы мы — да не договорились,
Такие мастера недоговаривать!
И чтобы Вы — да недопонимали
Всех тех вопросов, что не поднимали!
И чтобы я...
А я при чём? Я вообще под сургучом,
Я только иногда трусцой да кролем...
Ведь мне — что вальсом на весу,
Ведь мне — что камнем на косу —
Мне всё одно, когда я дурь гуляю полем —
Такое, типа конопли,
Галактик тридцать от Земли,
Там разве только крокодилы не летают.
Там птицы глохнут от цикад,
Там каждый встречный мне медбрат,
А поперечных снайпер убирает.
Там кто-то не забавы для
Сложил обломки корабля
И приписал, что я права была однако.
Но в этом море конопли
Былые чьи-то корабли
Мне не нужны и далеки, как Нагасака...

Так выпьем же за коноплю волной под килем.
Вам и не снилось, как я сплю,
Чтоб Вы так жили.

* * *

У Панкратова — дача в Кратово,
Я жила там давным-давно.
И ещё там, я помню, брат его...
И ночами всегда темно.
И ещё двое — с понтом местные,
Но каких-то нездешних мест,
Плюс Колян — оба глаза честные,
На боку зарастает крест.
И какой ни пойдёшь дорогою
Ты потом из кина домой —
Там случалось такое многое
Непроглядную этой тьмой...

У Панкратова — дача в Кратово,
Только всё там уже не так.
Отсудил себе долю брат его,
А казалось — бесполезняк.
И сидим мы на той террасочке —
И Панкратов, и брат, и я —
Те же чашечки, те же вазочки,
Все щербатые по краям.
Килька пресная, ночь нетёмная,
И гугнят вдали до утра
Эти тихие и нестрёмные
Подмосковные фраера.

* * *

Кольцо покойницы мне впору,
Не беспокоит.
Лицо покойницы мне снится
И не пугает.
И если что-то и случится,
То очень скоро,
Пока покойница спокойна
И знать не знает,
Пока не нашептала тёзка
Ветрам проклятья,
Пока не стала капать воском
За ворот платья,
Пока она не сговорила
С дверьми в том доме...
А впрочем, всё уже случилось.
Ну, разве кроме...

* * *

Алексею Игоревичу

Он ей говорит: «Я вот тут уснул,
А после проснулся — охнул!
Вся жизнь — это длинный большой Барнаул...
А на улицах Барнаула — плохо...»
Ей так захотелось утешить, понять,
А вышло лишь только — заплакать, обнять.
А он сказал — и уж сам не рад:
Ни доктор не понял его, ни медбрат,
И только Кутузов сказал: «Хорошо!
Хорошо говоришь, Лёха!»
А Лёха не слышал: он шёл, шёл и шёл...
А на улицах Барнаула плохо...

Н.В. Почти все имена вымышленные.

СОН РАЗУМА

Тьма на холсте густела красками.
Сколь брэнна плоть, столь вечен Дух.
Но каждый сон изорван плясками
в кругу летящих ведьм и шлюх...

Ложились тени,
блики падали
мазком серебряных белил,
но еле слышный запах падали —
слепил и зверя бередил.

И страшно было отражение
тех незнакомых миру глаз —
...no nos metás во искушение,
sed libera — хоть в этот раз!

Но всеми пробами прожжённая —
так, что ни замуж, ни родить,
лежала маха обнажённая
и не хотела уходить.

*No nos metas [en tentación] (*исп.*) — не введи нас [во искушение]
Sed libera (*лат.*) — избавь нас

* * *

Два совершенно разных человека
Пытались мне сказать одно и то же.
Один из них писал мне из Квебека,
Другой был малость ближе. И дороже.
И оба объясняли почему.
А суть всего сводилась к одному:
Я Вас люблю, Ольга,
Но не настолько,
Чтобы *издалека долго,*
И *завсегда стойко.*
Что, дескать, ехал Грека через реку
Ловить беду...
Два совершенно разных человека...
В одну дуду.

* * *

Мы едем в Грецию —
К тем грекам, грекам, грекам!
На денежки червонного туза
С одним таким хорошим человеком —
Печальный нос, весёлые глаза.
Мы уезжаем в ночь и без напутствий,
Ловя момент и заматая след,
С таким невыносимо странным чувством,
Что Греции на самом деле нет.

* * *

А мы с Вами будем встречаться
Как минимум два раза в год —
Под небом на ветке качаться
И биться как рыбы об лёд.

Нам будет погода, свобода,
Надёжный обратный билет,
И что в наши годы полгода? —
Ничто, супротив наших лет.

* * *

И вот мы приходим к Нему чебурашками,
Со всеми своими немислимо тяжкими,
Со всеми своими, такими огромными,
Спиной неподъёмными,
Смертными, тёмными...
И тихо сидим у воды, аки зайчики,
И тяжкие наши ложатся в мозаики,
На ровное-ровное белое дно —
И те, что недавно, и те, что давно...
И так безобидно лежат они рядом,
И слёзы так странно идут снегопадом,
А нам говорят:
«Вам пора, уже ждут.
А это пока что останется тут»

* * *

Всё это однажды закончится миром:
Я спрячу подальше колечко с сапфиром,
А Вы у метро возле Мраморной Арки
Положите нищему бронзовый Паркер.
И там, где мы раньше смеялись до колик,
Мы стульями скрипнем и сядем за столик.
И вместо того, чтоб меня ненавидеть,
Вы будете просто смотреть и не видеть.

* * *

Ну да, я запиваю рыбу
Вином неправильного цвета.
Зато я говорю «спасибо»
Закату, а потом — рассвету.
Ну, да, я не люблю старушек,
Когда от них ненужным пахнет,
Зато я млею от «восьмушек»,
Дробящихся в кантатах Баха.
А Вы — пройдоха и безбожник.
Но победителей не судят.
Зато у нас сегодня дождик.
И завтра тоже что-то будет...

* * *

И вблизи не видно, и даль темна,
Над винилом чёрным дрожит игла.
Вы не ждите лучшие времена,
Ваша карта выпала и легла.
И сотрёт до мяса игла винил,
Чтобы этот голос Вам повторял:
«Ах, какую же ты женщину обронил!
Ах, какую же ты женщину потерял!»

* * *

А радость — всего лишь полдела,
И горько её торжество:
Она достигает предела,
А дальше — незнамо чего.
А дальше одни разговоры.
А после — один разговор,
Что, мол, подъезжал под Ижоры
И ваш мне припомнился взор...

* * *

Можно я к Вам просто приеду —
Без надежды, без последствий и слёз,
Что-то типа «почитать Кастанеду»,
Не пуская поезда под откос...

А вчера я к вам во сне залетала.
Хорошо, что разбудить не смогла:
Вы б увидели, какая я стала,
И забыли бы, какая была.

* * *

А я сама не знаю, зачем оно мне надо:
Я просто разбежалась и всё ещё бегу,
И щит я свой повешу у врат такого града,
Куда войду Петлюрой, а выйти не смогу.

И если я такая, то значит, я такая,
И здесь уже не властен никто и ни над чем,
И я не притворяюсь, что просто жду трамвая,
А я сижу напротив и вас глазами ем.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ НОКТЮРН

...Кричали звёзды в небе птицами,
Пока не стало рассветать,
И облака с большими лицами
Учились заново летать.

Но шли косматые с покосами
Тот непочатый край почать.
И травы покрывались росами
От невозможности кричать...

«EINE KLEINE NACHT...»

Эта звёздная тряпица,
Эта лунная прохлада...
Почему-то мне не спится —
Может, так оно и надо?

Из копытца сладко пьётся,
Я сама не преминула...
Скоро утро. Всё проснётся
Посмотреть, как я уснула.

* * *

Да что ж такого, что Шостакович? —
Мы тоже можем на табуретке,
Мы тоже можем любую горечь
Вам приготовить в одной таблетке.

Да что ж такого, что льды тают,
Ну что ж такого, что всех затопит, —
Господь всё видит, Господь всё знает —
Грехи прощает, обиды копит.

А может, кто-то ещё родится,
А может, снова замолвит слово,
Ведь, знамо дело, кровь не водица...
А мы такие. Так что ж такого?

* * *

В том Тридевятом, ныне Тридесятом,
Плыл облаков *сиреневый туман*...
И душами сияли, аки златом,
Прекрасные потомки обезьян.
И я их так любила, так любила —
Почти что всех, почти что всей душой.
А радуга двоилась и рябила
И делалась большою-пребольшой...
Ведь, как запомнишь — так оно и будет.
А станешь проверять — оно уйдёт.
Такие удивительные люди...
А ведь поганый, в сущности, народ.

* * *

Казалось, вернут в наказание
Однажды мой поезд в Москву —
Я прям на Казанском вокзале
Кого-нибудь в клочья порву,
К чертям поломаю игрушки
И сяду реветь с ними рядом
Под чёрною сенью избушки,
Навечно повёрнутой задом.
И память моя серпантином
Пропляшет последний канкан
Туда, где страна Аргентина
Впадала в большой океан...
А кто-то мой лоб осторожно
Потрогает куцей рукой,
И голос елейно-безбожный
Споёт мне души упокой.

* * *

Оно, конечно, ёклмн...
Но мы ведь и не ищем виноватых
и, взмахом попадая в «Ай, нанэ!»,
мы числимся в счастливых адресатах.
Оно, конечно, жаль, безумно жаль,
и всё могло бы быть совсем иначе,
но нас учили всякую печаль
пересчитав, откладывая на сдачу.
А мы хотели что? Да просто быть
и с горочки на саночках кататься.
А мы хотели мальчика любить,
и чтоб при этом девочкой остаться.
И чтобы только пользоваться своё,
и не пошли нам, Господи, чужое! —
Но каждый раз выходит ё-моё!..
клмн... и всякое такое.

* * *

Наступает суббота
во главе с воскресеньем —
кто-то должен стоять
у руля карусели,
потому что, когда
эта дверь приоткрыта,
круг идёт на разгон и слетает с орбиты,
и летит к ебням...
или мордой об стену —
оттого, что мудака стал играть в джентльмена —
в неприятие тьмы, в некраплённость колоды,
и в превратность зимы пред лицом непогоды.

* * *

Я не дышу — чего же боле?
Я к Вам пишу —
куда же дале тех рваных строчек,
где на воле
слова лукавые гуляли —
и всё по краю, да по краю...
А я ведь, к своему стыду,
всегда прекрасно понимаю,
что Вы имеете в виду...

Когда в партере гасят свет,
тогда — всё то, что никогда.
А я спешу куда-то? —
Нет.
А я хочу чего-то? —
Да...

* * *

Ну и пожалуйста, и пожалуйста, и пожалуйста! —
Уж и пожаловаться, получается, что нельзя.
А чего мне, скажите, тогда осталось-то —
только, честно-пречестно и глядя в глаза,
глядя в ушедшее и в настоящее
(тоже уже на пороге стоящее) —
так и скажите: уже не многое.
Но только не глядя и рук не трогая.

* * *

Перевирая в памяти детали,
Варьируя сюжетную канву,
Я эти разлитые печали,
Как рыбка, до утра переплыву.

...А ночь уже выходит на крещендо,
Зажав мою хрустальную туфлю.
Мне всё равно — Вы просто спите,
или с кем-то —
Мне всё равно.
Я всё равно не сплю.

* * *

Мне так Вас не хватало в этом городе,
Где бледный дождь срывался на фальцет
И осень шла в своём дешёвом золоте —
На свет, на свет, на тихий зимний свет.

Мне так Вас не хватало в этом поезде —
Во всём по обе стороны стекла,
В движении, в замедленности, скорости —
Во всём и вся. Такие, брат, дела.

* * *

Она появлялась всегда незаметно —
Невидимой тенью, при полной луне,
Любила любого — дарила несметно,
А после годами являлась во сне —
Бегущим оленем, летящей рекою,
Двоилась, троилась, дробилась на сто...
Не то чтобы в ней было что-то такое,
Но всё-таки было в ней что-то не то...

А он улыбался глазами лазурно
И тростью игрался, ей глядя вослед,
И знал, что всё будет донельзя ажурно
(мрачней во взоре при мысли, что — нет),
И гладил блуждающей жаркой рукою
Серебряный круп молодого авто...
Но всё-таки что-то в нём было такое...
Но всё-таки что-то в нём было не то...

И дни закружились, сплетаясь в недели,
И солнце сто раз обожгло окоём,
И каждый другого держал на прицеле,
Но каждый другому был нужен живьём.

И время устало, и стало их трое,
И третьего должно кунали в купель.
Но что-то в ребёночке было такое,
Что батюшка слёг и болеет досель.

* * *

Я вот давно хотела Вас спросить,
Но каждый раз слова ложатся косо,
И почему-то рвётся эта нить,
Ведущая к ответам на вопросы...

И я ещё сказать хотела Вам,
Что Бог — он всё равно следит за нами,
И нам ещё воздастся по словам,
И мы ещё умоемся словами.

...А я так не люблю всех этих слов,
Которые доводят до стихов.

* * *

Я вам рекомендую, я вам советую
Считать меня хорошей дурной приметой —
Палатой номер шесть, где вы повеситесь
(если не сплунете и вон туда не перекреститесь)

А дверь, ну, та, где номер шесть, — глядите в оба:
Она, когда заходишь — есть, а после — опа!
...А чтоб вы остального не услышали,
Тут будет только два четверостишия.

* * *

Что ты, милый, это ветер,
Это ветер, это он.
А ты думал, кто-то третий?
Успокойся, это сон.

Это ветер, только ветер,
Это сон, всего лишь сон.
А ты думал, кто-то третий...
Спи, любимый, это он.

* * *

...В тихий предночнóй час
Погасить везде свет,
А потом обнять вас,
Словно нам по пять лет,
Рассказать вам свой сон,
А потом — свою явь:
Что я слышу *тот* звон,
Что давно живу вплавь...
Что, коль скоро вы здесь,
Значит, вы теперь — тут,
И нужны вы мне — весь,
Даже если вас ждут...
А потом включить свет —
А на вас лица нет.

* * *

Дело было летом, в городе Берлине,
Дело было, в общем, даже не во мне,
А в пересеченьи параллельных линий,
В том, как всё звучало на одной струне...

Вы там не скучайте в городе Берлине.
Говорят, в Берлине холодно зимой —
Разве только струны параллельных линий...
Да на той старинной.
Чтоб на той седьмой...

* * *

Зачем тебе счастье, когда уже полночь —
Зачем эта горечь, когда уже ночь?
Зачем эти планы, которых исполнить
Уже никогда в этой жизни не смочь?

Спасибо за вечер — всё было жемчужно.
Спасибо за ужин, но счёт — пополам.
Зачем это нужно, кому это нужно?..
Кому-то ведь нужно... Но только не нам.

ДЕМИСЕЗОННОЕ

Снежинка дряблая тихонько таяла,
Упавши замертво на эту гладь.
Собака лаяла на дядю фраера,
Хотела что-то ему сказать.

Зима закончится, сама закончится —
Устанет, сморщится, сойдёт на нет.
А там — как водится, придёт уборщица,
Протрёт окошечки,
Забрезжит свет...

* * *

Равнины становились горами,
А горы поверялись безднами.
Но бездны множились повторами,
И стали карты бесполезными...
Я та ещё первопроходчица.
Вам, кстати, не нужна попутчица?
А то влюбиться очень хочется,
Чтоб посмотреть, чего получится.

ДИМЕ СОРОКИНУ, В ПРОДОЛЖЕНИЕ НАЧАТОГО
РАЗГОВОРА, ПОКА ОН ЕДЕТ В ПОЕЗДЕ...

Я всё равно не понимаю,
Какого вот такого хрена
Тебя везёт туда кривая
Под песню крокодила Гены —
Нас там так долго не стояло ведь,
Что нафига оно нам сдалось?

Я ж не к тому, чтоб всё разжаловать...
Ну, мнится бабе шестипалость...
Там на невиданных просторах
Следы неведомо чего,
И ждёшь всю жизнь, что — скоро, скоро...
Ну, это... что-нибудь... того...
Там даром редко что подарится,
Хотя случался гол канадцам...
Там люди очень быстро старятся
И очень долго молодятся.
Под песню крокодила Гены
Проходит жизнь, зима, изжога...
Чужая кровь подправит гены —
И хорошо, и слава Богу!
Но две недели! Две недели!
Тебе совсем не жалко мая?
Ты знаешь, я ведь в самом деле —
Вот, хоть убей, не понимаю.

«YOU CAN TAKE THE GIRL OUT OF THE VILLAGE...»

Можно девушку взять из деревни
И пристроить царевной на бал —
Только чтобы при этой царевне
Кто-то был, кто б за ней выгребал.
Ведь Колодино, Ступино, Кыкву
Не изжить, не изъять, не унять:
В полночь всё превращается в тыкву —
Нам ли, девочки, это не знать?

* * *

Он к ней приходит, такой красивый —
Нездешних, знойных, топлёных мест...
Но ей помогут Святые Силы,
И Бог не выдаст, свинья не съест...

...И вот уж солнце садится косо,
И в ночь бросает — как в полыню,
И к Богу, в общем-то, нет вопросов,
Но кто поручится за свинью?

* * *

По пляжу гуляла Судьба
И тщетно искала любви,
Касаясь до каждого лба
Лежащих пластом визави —

Чтоб просто пожить по-людски,
Чтоб душу о душу согреть,
И дабы избежать тоски,
Чтоб вместе вот так умереть...

Но люди пришли загорать,
И души их грелись вдоль тел.
Никто не хотел умирать,
Никто ничего не хотел.

* * *

Всё умещается в две трети,
А третьей трети будто нет,
И вам давно уже не светит
Туманность ваших Андромед,
И вам давно уже не в радость,
Когда над пропастью, во ржи...
О, моя страсть, о, моя слабость,
О, седовласые мужи,
Учите ваших жён молиться
И запирайте дочерей,
Когда с утра ругают птицы
Ночные оргии зверей.

* * *

Такая южная Хорватия,
С такими нужными отелями,
С такими громкими кроватями,
С такими певчими постелями...
Нам эта музыка играет
Пока мы здесь, пока мы тут:
В Аду уже не умирают.
Да и в Раю-то не живут..
А за окном, хлебнувши рёбулы,
Гуляют люди из России —
По мне, так лучше бы их не было,
Но у меня забыть спросили.

* * *

Я опять полетала на воле,
потому что неволя — могила.
А ты даже не спросишь, давно ли
я вернулась и как мне там было.

Было здорово. Плыли верблюды
облаков как-то раз на закате...
...А ты даже не спросишь, откуда
у меня это синее платье.

* * *

Расчёт мой прост — на первый и второй:
Две щётки и одна зубная паста.
И кто меня танцует — тот герой,
А песни петь — так это все горазды.

А вот Христос — любил и любит всех
И говорит, что лучше не бывает...
Но батюшка сказал, что это грех,
Да только что он в этом понимает.

* * *

А вот вам никогда не бывает страшно
Оттого, что вам ничего не боязно —
Ни сегодняшних мыслей,
Ни слов вчерашних,
Ни того, что осталась минута до поезда,
И пустота обретает формы,
А вы на самом краю платформы,
И вам негоже играть вполсилы,
Ведь вы сегодня звезда вокзала...
Я снова что-то не то спросила?
Я снова что-то не так сказала?

P.S.

*Что вам за дело, профессор Стравинский,
Где у меня закруглилась прямая —
Вы не поймёте мой сербо-тувинский,
Его даже птицы не понимают.
Да я и не знаю, зачем эти лица
Кружатся, смотрят, вздыхают и тают —
Вы не увидите, что там творится,
Туда даже мысли не долетают...*

* * *

Осень, осень, что мы косим?
То, что за год проросло:
Миллион умножь на восемь,
И получится число —
Слов хороших, мыслей милых...
Год прошёл, и рвётся нить.
Эта осень — я не в силах
Ей что-либо объяснить.

1979–2009

СТИХИ ИЗ КНИГИ
«ОБЕЩАЛА РЕЧКА БЕРЕГУ...»
а также в неё не вошедшие

К СЛОВУ

Дело не в том, чьё помело больше.
Дело не в том, чьё помело лучше.
Дело лишь в том, кто улетит дальше.
Дело лишь в том, кто замутит круче.
Важно уметь
это варить зелье.
Важно собрать
то, что иметь нужно:
перья змеи, ножки червей, заячьи рожки,
всякие палочки, камешки, щепочки, косточки, крошки...
Тут проходили как-то бочком *крали* —
и у меня, и у других — крали:
перья змеи, ножки червей, заячьи рожки,
всякие палочки, камешки, щепочки, косточки, крошки...
Мы всё понять не могли, для чего это им — наше?
То, что для зелья, то не идёт в кашу.
Нам же потом это всё собирать снова...
Это к чему я? Да ни к чему, к слову...

2003

* * *

Конечно! Обидеть девушку может каждый,
А потом — извиниться, спустя лет тридцать.
Но слово, сказанное однажды (дважды!),
Будет вечно икать и просить напиться.
Это что-то вроде несчастного случая:
По тебе долбануло — а ты виноват.
Всё это, кажется, было у Тютчева —
Но я помню лишь музыку и видеоряд.
А слова — отдалённо, со дна колодца:
«Благодать как сочувствие нам не даётся...».

2009

* * *

Когда бездумно пророчит лето,
А человеку — шестнадцать лет,
И столько веры в свои победы
И в то, что Бога на свете нет!
И вечер тёплый, и ветер южный,
И окрыляет избыток сил,
И очень важно, и очень нужно,
Чтоб кто-то бережно объяснил,
Что жизнь проходит, меняет краски,
То зацелует, то отомстит,
Не всё то горе, что нету счастья,
Не всё то золото, что блестит,
Что в мире много таких вопросов,
Где не ответить начистоту,
Что резать вены — ещё не способ
Свою доказывать правоту.

1981

ПОНЕДЕЛЬНИК

Понедельник, день дождливый,
Я стараюсь быть счастливой.
На игрушечном рояле,
Среди кукол и собак:
Чижик-пыжик, где гуляли?
Чижик-пыжик, как же так?
Чижик-пыжик — птица-пьяница...
Ах как долго время тянется...

НАКАНУНЕ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ

Я кричу по ночам от ужаса,
Я от ужаса днём молчу:
Я боюсь, я боюсь замужества —
Не хочу, не хочу, не хочу!
Я хочу жить у папы с мамою,
Грызть морковку, вести дневник,
А мне снится всё то же самое:
Пучеглазый чужой мужик.
Снятся комнаты неуютные
И большая кровать у стены —
Извели меня эти мутные,
Беспощадно дурные сны.

* * *

Шёл пятый день любви, прошедшей даром.
Шёл пятый день того, что год спустя
Я назову безумьем и кошмаром.
«Давай поженимся», сказал ты мне шутя.

А этот день уже был на исходе,
И я, забыв про таявший пломбир,
Смотрела, как зареванных выводят
Детей из магазина «Детский мир».

Я не хотела видеть циферблата —
Твоих, моих и дядькиных часов,
Я восхищалась тем, что ты усатый,
И презирала тех, кто без усов.

* * *

Мы вовсе не бредим, просто —
Просто чуть-чуть мечтаем,
Нам бы с тобой на остров,
Который необитаем.
Нам бы купить собаку,
Удочки и конфет,
Нам бы сдержать атаку
Тех, кто дает совет.

* * *

Я боюсь утечки газа,
Я боюсь дурного глаза,
Я боюсь, что кто-то скажет,
Что мне надо похудеть.
Я боюсь войны с Китаем,
Слов «мы всё про вас узнаем»
И того, что я без слуха,
А меня попросят спеть.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Вот так сидим и говорим —
О том, что мир неповторим,
О том, что скоро выпускной,
Что пахнет в воздухе весной...
И все чудесно и чудно
Сирень, открытое окно,
И сигареты огонёк,
И разговоры до ночи...
И мне пока что невдомёк,
Что все мужчины — сволочи...

* * *

Мы сидим в кафе «Метелица» —
Не роман, а так — безделица,
Мне вообще в любовь не верится,
А тем более зимой.
Тот, кто весел, — пусть смеётся,
Тот, кто хочет, — пусть добьётся,
А тебе ещё придётся
Провожать меня домой.

В МЕТРО

Я плакала и закрывала
Лицо журналом «Крокодил».
Меня кому-то жалко стало —
Мне кто-то место уступил.
Я плакала, себя кляня,
За то, что — глупо, неуместно...
А все смотрели на меня —
Всем было очень интересно.

* * *

За стеною кто-то ходит ходуном,
За стеною кто-то бредит об одном,
За стеною кто-то пьян, да не вином,
А весною, что пасётся под окном.
...А под утро за стеною — тишина:
Этот кто-то — просто вылез из окна,
Он поверил в то, что где-то есть Она...
Я была. Будь проклята стена.

* * *

Весна прикинулась зимой —
Бездарно как-то, неумело,
И неопрятной бахромой
Висит метель. Мне надоело.
А ты все про мои глаза,
К тому же, не своими фразами:
Сперва сказал, что бирюза,
А под конец назвал алмазами.
...А за окном опять метели,
Когда же это прекратится?..
Ну подожди хоть две недели,
Я не могу сейчас влюбиться.

ПЕРЕЛОМНЫЙ ВОЗРАСТ

...Хочется попробовать то, что колют в вену,
Хочется тарелку с кашею — об стену,
Хочется уехать к черту на рога,
Хочется дотронуться рукой до утюга,
Хочется, хотя бы, взять — и заболеть,
Чтобы полюбили, начали жалеть...
Фейерверки смеха, водопады слёз...
Переходный возраст перешёл в невроз.

У МОГИЛЫ

Говорят, что здесь мой дедушка.
Говорят, он бросил бабушку.
Говорят, уехал в Астрахань
И женился на другой.
Говорят, он пил запоями,
Говорят, он жил по-своему,
Говорят, с войны вернулся
С деревянной ногой.
Говорят, он стал художником,
Говорят, он бросил пить...
Говорят, что здесь — мой дедушка.
Очень даже может быть.

В ПОЕЗДЕ

Помидоры, сайра, пиво
И попутчик молодой.
Буду слушать терпеливо
Анекдоты с бородой.
И, забыв, что люди — волки,
Полюблю я всех людей.
Кроме тётки с нижней полки,
С ореолом бигудей.

* * *

Когда в лесу бывает ночь,
Лес продолжает жить.
Ромашка-мать ромашку-дочь
Учила ворожить.
А их подслушал старый куст,
Засохший и колючий.
Он слушал и мотал на ус —
На всякий случай.

* * *

Глупые, безоблачные лица
И глаза, готовые влюбиться —
Двоечницы, дуры, кобылицы —
Жаждут счастья, верят в небылицы
И целуются в подъездах со шпаной,
Перемазавшись помадою губной...

А потом — дождина проливной.
Ломится в оконное стекло,
И режут — по-бабьи, громко, зло
В одуревшие от ужаса подушки —
Школьницы, девчонки, потаскушки.

* * *

Я школу кончила на тройки
И провалилась в институт.
«У нас гремят большие стройки, —
Сказали мне, — они вас ждут.
Вас ждут колхозы и заводы,
Вас ждут плотины и сады,
Вас ждут масштабные заботы,
И ждут великие труды,
Пути, богатые свершеньями,
И покорение тайги...»
А мне хотелось веер с перьями
И две брильянтовых серьги.
И платье — белое и длинное,
И жемчуга по подолу,
Чтоб тихо охнула гостиная
И обабдели на балу...
Чтоб, никого не замечая,
Кивнуть небрежно всем подряд
И зябко поводить плечами
В ответ на пепелящий взгляд,
Влюблённым графом забавляться,
И письма рвать напололам,
И благодарно улыбаться
Венецианским зеркалам.

То вдруг задумчивой казаться
И молчаливой, то опять
Чему-то весело смеяться,
Над чем-то громко хохотать...
И танцевать
С Людовиком Пятнадцатым
Или Шестнадцатым,
Закрывать глаза,
Уснуть, проснуться —
И остаться там...

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

— Милорд, я продрогла на этом ветру,
Милорд, уезжайте, вас ждут ко двору...
Милорд! Перестаньте! И встаньте с колена.
Вы просто во власти безумного плена.
И дело не в том, вы кум королю,
И даже не в том, что я вас не люблю,
А просто лишь в том, что люблю короля —
И как его, дьявола, носит земля!

ЕЩЁ ОДИН ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

— Мне вас придётся разлюбить.
И не смотрите так тоскливо!
Не вздумайте меня забыть
Или запомнить некрасивой!
И не влюбляйтесь сильно впредь,
И никому не доверяйте.
Вы мне клянётесь умереть?!
Я вас прошу, не умирайте...
Я вас на слове не ловлю —
Нет, нет... Но всё же это мило.
Но я вас больше не люблю.
Я вас и раньше не любила.

И ЕЩЁ ОДИН ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

—...Мария, послушай меня, Мария,
Я много видел за много лет...
Мария, поедem со мной, Мария,
Ты только сразу не говори «нет»...
Остаться в этом проклятом городе?!
На радость этим вот кобелям?!
Мария, детка, я видел Дороти...
Ты тоже будешь слоняться там? —
Пить за любовь, хохотать и корчиться,
И ненавидеть весь белый свет —
Мария, я знаю, чем это кончится,
Я много видел за много лет.
Мария, послушай, ты редкая женщина,
Ты королева, ты не для них,
Они же подонки, козлы, деревенщина!
Что ты? Опомнись, какой жених?!
Видел я тут твоего приятеля —
Не с ним ли ты думаешь к алтарю?
Мария, гони его к чёртовой матери,
Мария, я знаю, что говорю.
Мария, поедem со мной, Мария,
Ну хочешь, мы двинемся в Новый Свет?
Мария, послушай меня, Мария,
Ты только сразу не говори «нет»,

Скажи: я подумаю, я подумаю...
Потом... когда-нибудь... может быть...
Мария, мы завтра кончаем с трюмами:
С утра загрузим — и можно плыть...
Ну, не с утра, ну, пускай к обеду,
Пусть подождут, пусть сгорят дотла!
Мария, я больше сюда не приеду,
У вас тут аховые дела.
Мария, ты слышишь меня, Мария,
Я не спешу, но я жду ответ.
А ты подумай. Подумай, подумай —
Ты только сразу не говори «нет».

* * *

Крупным шагом,
Мелким бесом,
По оврагам,
Полям, лесом,
Напрямик и стороной —
Дождик шастает грибной.

Мне никто, никто не нужен,
У меня свои дела.
Босиком скачу по лужам,
Чтобы скрыть, что очень зла —

Крупным шагом,
Мелким бесом,
По оврагам,
Полям, лесом —
Но я чувствую спиной
То, как ты следишь за мной.

* * *

Говаривала тётушка Ирена:
«Живём от Мендельсона до Шопена...»
Хранила пачку писем из Парижа —
Их перечтя, шептала: «Ненавижу!» —
И снова ненадолго убирала
В шкатулку, а шкатулку — запирала.
И что-то по-французски говорила,
Раскладывая вечером пасьянс...
А я ещё французский не учила,
Но понимала слово «мезальянс».

* * *

Как дожди ударились оземь —
По земле посеяли осень.
Во поле тепла было мало,
Во поле ветров было много,
Во поле берёза рыдала —
Бела да кудрява недотрога.
И неслось откуда-то некстати:
«Некому берёзу заломати...»

* * *

Он говорит, что там есть речка Ёстынь,
Он говорит, что там такие звёзды!
Он говорит, что там растёт ракита,
Он говорит, его зовут Никита,
Он говорит, что там полно малины,
Он говорит, что медлить нет причины,
Он говорит, что там ручная сойка...
А я-то знаю: там изба да койка.

УТРОМ

Ты спал как сурок,
Ты спал как убитый,
Ты спал как убитый сурок.
А я допивала наш чай недопитый
И воспевала порок.

Я верила в счастье, я верила в чудо —
Так часто бывает с утра...
Я вытерла пыль и помыла посуду —
Я верила в силу добра...

Я вспомнить старалась,
Как делают тесто, —
Хотелось сварганить пирог.
Какое красивое слово «невеста»...
Ты спал. Как убитый сурок...

* * *

Как весело письму гореть.
Три четверти...
Две трети...
Треть...
Теперь осталось постареть
И старой девой — умереть.
Когда ж умру и полечу,
Я не забуду — начерчу
На синем небе чёрный крест —
За всех обманутых невест.

* * *

Дождь и безлюдье — мёртвый сезон,
Билеты на самолет.
Глупо, конечно, какой резон —
К морю — сквозь дождь, как вброд.
Маяк словно шапка на воре...
Я кинула, уходя,
Монетку в шумящее море —
Как в продолженье дождя.
Глупо, конечно, какой резон?
От моря — сквозь дождь, как вброд.
Дождь и безлюдье — мёртвый сезон,
Билеты на самолет.

* * *

Как интересно влюбиться в актёра,
Который недавно ушёл от жены...
А может быть — пошло: влюбиться в актёра,
Которому пишут все дуры страны.
А может быть — глупо: влюбиться в актёра,
Который за мною слегка волочится...
И всё-таки — грустно: всё кончится скоро,
Забудется напрочь и не повторится.

* * *

Опять в твоих глазах читаю смех.
Я ж ничего такого не сказала...
Я знаю, ты считаешь — я из тех,
Что я закончу пачкой люминала,
Что мой удел — скользить и ушибаться,
Что у меня дурной, опасный нрав...
Когда ты перестанешь улыбаться,
Попробую сказать, что ты неправ.

* * *

А я кому-то не простила —
Не помню что.
Потом кого-то полюбила —
Опять не то.

Скрипят чужие табуретки,
В квартире — грязь,
И черноглазые креветки
Глядят, дымясь.

Все молча пивом наливались
Вокруг стола.
Я прищемила дверью палец,
Когда ушла.

И были встречи, были люди —
И всё не то.
А что-то будет, что-то будет,
Узнать бы, что.

ПРОГУЛКА

Я приняла неизбежность потерь,
Что мне за дело, где ты теперь...
Почта, аптека, здание ТАСС...
Что мне за дело, с кем ты сейчас!
...Рынок. Химчистка. Библиотека.
Солнце играет в витринах, слепя...
Я не могла бы убить человека.
Даже тебя.

МНЕ ГОВОРИЛИ

Мне говорили — это расплата,
Это приходит ко всем,
Это — за что-то, что было когда-то,
Это — за то, в чём была виновата,
И утешали: это расплата,
Это не насовсем.

* * *

А я была мила,
А я была смела,
Я наравне пила —
Я лучше всех была.
Но что я лучше всех,
Никто и не заметил —
Я больше не пойду на посиделки эти.

ПЕСЕНКА

Все подружки у меня замужем,
Даже младшая сестра — замужем,
Только я до сей поры в девушках —
Не судьба мне, видно, быть замужем.
А подружки все мои — плачутся,
Говорят, в чужом дому — каторга,
Даже младшая сестра, бедная,
Говорит, что ей домой хочется...
А вчера ко мне сосед сватался.
Он пришёл — а я бегом из дому.
Мне бы в омут головой броситься,
Да сердечко вот пожить просится...

* * *

...Вот я постепенно теряла подруг,
Вот я постепенно отбилась от рук,
Когда я скользила и падала вниз,
Мой ангел-хранитель семечки грыз...
Я всё собиралась те книжки прочесть,
Старалась казаться умнее, чем есть,
Рыдая, искала окольных путей,
Боясь народить незаконных детей,
Училась пить водку и складно врать
Про то, что отличницей в школе была.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Октябрь истёк дождями и скончался.
И память лета осквернив вконец,
Ноябрь на голых ветках закачался —
И вот уже он тоже не жилец...
Снежинки, слипшись в хлопья, расцветали
Цветами, что бывают лишь весной,
И, продолжая падать, хохотали,
А я пыталась в книжке записной
Их болтовню словами обозначить,
И выходил довольно странный стих,
Где только многоточия, а значит,
Я никогда не напишу о них.
Я ни себе, ни им не отомстила,
Поставив крест на том черновике.
И лишь одна снежинка загрустила
И стала таять на моей руке.

* * *

...Прийти на рынок без копейки денег,
Понюхать розы и потрогать веник,
И перепробовать всё то, что разрешат —
Капусту, творог, мёд и виноград,
Сказать, что мёд — балованный, а творог —
Не так уж и хорош, насколько дорог,
И с чувством собственной законной правоты
Ещё раз перенюхать все цветы.

* * *

Мне сказал один художник:
«Презираю осторожных,
Ну а вы... Вас, если можно,
Умоляю: осторожно!
Да, как можно осторожней,
Потому что на Парнас
Шли веками вереницы —
Доходили единицы,
А для тех, кто остаётся про запас
Только горечь и усталость...
Я вот стал по-свински пить...»

Он ушёл. А я осталась.
Я не знаю, как мне быть.
Мир прекрасен, небо сине,
Только холод по спине:
Говорят, что Паганини —
Продал душу Сатане.

* * *

Нашптала речка берегу
Удивительные сны:
Про далёкую Америку
И страну, где есть слоны.
Говорила речка берегу:
«Я впадаю в океан,
Я увижу ту Америку
И слонов, и обезьян...»
Говорила речка берегу:
«Я на негров погляжу...»
Обещала речка берегу:
«Я вернусь и расскажу...»

* * *

Млечный путь похож на санный,
До свиданья, мой коханий.
Мы с тобою знаем сами —
Всё, что было, ерунда.
Обменявшись адресами,
Не напишем никогда.
Не напишем... Но, однако,
Хорошо любить поляка...

* * *

...Интеллигентные славяне —
И при Петре, и при Иване —
Мы всё лежали на диване
С мечтой о счастье и о бане,
И о царевне Несмеяне,
И о ещё какой-то дряни...
Интеллигентные славяне:
Поляне, вятичи, древяне...

СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Всем говорили, что царь не умрёт, —
И вот.
Кто-то рискнул обвинить Годунова...
Но снова
Солнце играет на всех куполах
(Ах!),
Город торгует, и площадь пылится,
И звон медяков.
И кажется — здесь ничего не случится —
Во веки веков,
И все будут счастливы: кот во дворе,
Царица с царевичем
И старые девы в монастыре
Новодевичьем.

* * *

По всей земле — колокола, колокола, колокола —
Царица сына родила! Царица сына родила!
Душа — на части!
Царица сына родила! Какое счастье!
Царица сына родила — и в одночасье
Царь людям выкатил вина и выдал платя,
И всем бросали серебро царёвы братья.
Царь — мужика поцеловал
И всё, что было, — раздавал,
И отменить пообещал в стране законы,
И всё купчишке подарить хотел корону...
Царица сына родила! Царица сына родила! —
По всей земле — колокола, колокола, колокола...

А время шло. И день пришёл.
И с колоколен —
Царевич — болен! болен! болен!
И плачут бабы в деревнях,
И едет в город на санях
Весь мир крещёный,
И от зари и до зари
Колдуют что-то знахари
И швед учёный.
Не спали ночь, а поутру
Был швед повешен на юру.
Звон колокольный тонет в шуме:
Царевич — умер! умер! умер!

ПЕСНЯ

В темноте ключами звякая,
Я тебе открою дверь.
Про меня болтают всякое —
Ты не слушай и не верь.

Золотой ты мой, рубиновый,
Позабудь свои дела,
Я наливочки рябиновой
Нам обоим налила.

Ты грустишь? А я — нисколечко.
Ты спешишь. А я — ничуть.
Про свою невесту Олечку
Даже думать позабудь.

* * *

Берег моря. На песке
Дева мается в тоске.
Волны ходят ходуном,
Дева молит об одном:

«Море, море, мой любимый
Пусть вернётся невредимый!»
Дева плачет на ветру:
«Он погибнет — я умру...»

Но челнок приплыл под вечер,
И она бежит навстречу,
Осушив потоки слёз:
«Милый, что ты мне привёз?»

* * *

Ты позвонишь своей любовнице,
Она ответит: «Приходи», —
И пусть ничто тебе не вспомнится,
И всё пусть будет впереди.
И ты жене соврёшь, как водится, —
Не знаю что — тебе видней...
Судьба сумела позаботиться
О том, чтоб я не стала ей.

* * *

Ты не ждал? А я пришла.
Здравствуй, милый, как дела?
Ты совсем уже не тот.
Как ты прожил этот год?
Да, любимый, в самом деле —
Ровно год и две недели...
Я соскучилась, родной...
Познакомь меня с женой.

* * *

Чья-то мама ищет сына,
Фрукты, море, пляж, загар.
Руки, ноги, плечи, спины.
Солнце. Солнечный удар...

Море сине, небо сине,
В синем небе самолет.
И женатому мужчине
Эта девушка в бикини
Будет сниться, сниться, сниться...
Будет сниться целый год.

ПИСЬМО В СУХУМИ

Октябрь, 1983

Неужели вы забыли,
Как мы ели чахохбили,
Как мы пили «Ахашени»,
Как вы встали на колени,
На груди сложивши руки —
Так — крестом,
Как отряхивали брюки,
Встав потом...
Только что теперь об этом
Вспоминать и говорить.
Я опять приеду летом —
Можно будет повторить.

* * *

Лгала, сказав, что всё забыто.
Я полощу — и тем жива —
На дне разбитого корыта
Воспоминаний кружева.
Но знай, однажды утром рано,
Лелея сладкую мечту,
Я эти кружева достану
И приспособлю на фату.

* * *

А Марьяна хороша была с лица.
Уж Марьяне люди прочили купца,
Да родные были к девушке добры —
Не неволили Марьяну до поры...
А зимой, как только выпал первый снег,
Проезжал один беспутный человек.
Белолица, черноброва да румяна —
Приглянулась ему девушка Марьяна.
Подарил он ей пакетик с леденцами
И увёз на тройке с бубенцами.
И ещё изюмом угощал.
И ещё жениться обещал...

* * *

В тихом омуте, в тихом омуте,
В тихом омуте — тихий ад.
В этой комнате, если помните,
Я вас выбрала — наугад.
Я подумала: «Вот и встретила»
И не думала ни о чём.
Как же я тогда не заметила
Эту женщину в голубом?

* * *

Сгубить мою душу
За ради забавы —
Как вы не правы, как вы не правы...
И что мне осталось? —
Грехов не бояться,
Над глупыми шутками глупо смеяться,
С трудом засыпать после тех вечеринок,
Завидовать лёгкому счастью блондинок
И простужаться от вашего взгляда —
Так мне и надо, так мне и надо...

* * *

Я ненавижу вас —
И в профиль и анфас,
Я ненавижу вас,
Ваш свитер, ваши джинсы,
Самодовольный бас
И перстень на мизинце —
Десятки тысяч раз
Я ненавижу вас.
Но я вас ненавижу
Ещё сильнее
Тогда, когда я вижу
Вас рядом с ней.

* * *

У вас там как?
Вступают в брак?
А вот у нас, обычно, так:
Сначала — падают к ногам.
Потом — пускают по рукам
Прекрасных дам.
И никогда не помнят имя —
Лишь временами,
Но вечно путают с другими
Именами...
А небо смотрит сквозь метель —
Хмуро,
И мы рожаем им детей
Сдуру.

* * *

Мы вряд ли будем целоваться,
Когда мы будем расставаться.
Скорей всего, мы гнусным тоном
Заговорим об отвлечённом —
О том, что отпуск пролетел,
О том, что юг осточертел,
О том, что дома ждут дела...
Как жаль, что я с тобой спала.

* * *

Это ты, положим, врѣшь,
Ты от горя не умрѣшь —
Потому что есть, что кушать,
Потому что мир хорош,
Потому что перламутром
Серебрятся скаты крыш,
Потому что завтра утром
Ты в Палангу улетишь,
Потому что править балом
Ты намерен до седин,
А таких, как я — навалом.
Это ты у нас один.

ЗАГОВОР

У кошечки — заболи,
У собачки — заболи,
А у дѣвицы — всё пройди.
Страдалица...
И у красавца того пускай заболит.
Пусть долго болит,
А потом отвалится.

ОДНОКЛАССНИК

Он был у нас отпетым,
Не стригся и курил.
А мне — носил конфеты
И хрипло говорил,
Что хочет парабеллум,
Но можно и наган,
И рисовал мне мелом
Зелёных марсиан —
Носатые, но всё же
Немножечко похожи...

* * *

Он спрашивает: «Где ты?»
Я спрашиваю: «Кто ты?» —
И нам обоим — ужас, как смешно.
Мы оба с ним поэты,
Мы оба — рифмоплёты,
Мы просто оба выпили вино.
Иссякли сигареты,
Иссякли анекдоты,
Ему домой идти пора давно...
Но мы ведь с ним — поэты,
Но мы же рифмоплёты...
И очень, очень крепкое вино...

В ГОСТЯХ

Уж все давно тут,
Все только Вас все ждут,
И Вы вот-вот явитесь.
А мне не Вы нравитесь —
Мне Вас любить нравится,
От всех скрывать нравится,
И целовать нравится,
И ревновать нравится,
А с тем, что мне нравится,
Я не могу справиться.

* * *

На уровне бреда,
На грани кошмара...
Та дама из бара —
Вам вовсе не пара.
Но я вас не стала
Судить слишком строго:
Вы думали мало
И выпили много.

* * *

Сквозь мутные окна — дождя паутина,
И жалобно мокнут рябые рябины.
А я-то заметила, как вы глядите —
То на часы, то на волю — в окно...
Что же, глядите, но подождите,
Не уходите — допейте вино.
А я расскажу вам, а я вам открою
Страшный секрет про старуху с клюкою,
Про чёрную кошку, что в позе копилки
Сидела на бархатной красной подстилке...

Старуха молчала, старуха скучала,
А я в сотый раз начинала сначала...
Старуха устало привстала со стула,
В рукав пошептала, на воду подула,
Дала мне травь, что росла на болоте —
И вы — никуда от меня не уйдёте.

* * *

Ну и что, что вдвоём. Ну и пусть при свечах —
У меня ещё есть голова на плечах.
А мой внутренний голос —
Он в голос кричал
И вполголоса сам же себе отвечал,
Что, когда при свечах,
А вокруг тишина,
Голова на плечах
Никому не нужна.

* * *

Очи чёрные,
Очень чёрные, —
Это чёрт его знает что...
А я слышала, к вам в гримёрную
Ходит женщина. Это кто?
...Очи чёрные,
Очень чёрные,
Слишком чёрные, так нельзя.
Тяжело, когда смотрят в сторону,
Невозможно, когда — в глаза:
Мысли кружатся беспризорные,
Жарко делается в пальто...
Очи чёрные,
Очень чёрные, —
Просто чёрт его знает что...

* * *

Часы прабабки кукуют глухо.
В воздушных замках тепло и сухо.
А город полон сплошных дождей,
Ничейных кошек, чужих людей...

...Был город пасмурен, зол и сир,
И было в городе всё не так...
А я мечтала исправить мир,
Но, слава богу, не знала, как.

ТАНЕЦ МАЛЕНЬКИХ ЛЕБЕДЕЙ

Нам всего-то по восемь,
Что не знаем — то спросим:
«Извините, пожалуйста, где туалет?»
У нас чуть больше часа,
Мы идём после баса —
«Анжелика Степановна, а нам можно в буфет?»
Но в буфет невозможно,
Потому что ненужно,
Потому что нам лучше поразмяться пока,
Потому что вчера как-то очень недружно
Мы работали номер на концерте в ДЭКа...

Через час мы готовы,
И — ни вдоха, ни слова —
Мы влетаем на сцену
В ослепительный свет.
Чуть левее и прямо,
И ни папы, ни мамы,
И захлопали в зале,
И спасения нет.
Сбоку щёлкнул фотограф —
Мы отпрянули, вздрогнув,
И под взглядами сотен
Незнакомых людей —

Онемев от испуга,
Мы вцепились друг в друга —
И нам грянули «Маленьких лебедей»...

А когда мы очнулись —
Доски сцены качнулись,
И мы поняли: всё! Уже можно бежать!
Зал рыдал от восторга,
Хлопал громко и долго,
И мы очень боялись, что заставят опять.
Мы по опыту знали,
Что, когда станцевали,
Нужно — сразу, быстрее —
Добежать до кулис:
Мы почти что успели,
Мы почти добежали,
Но чуть-чуть опоздали —
Нас вернули «на бис».
И уже не спастись —
Ни слезами, ни бегством,
Потому что концерт — для почётных гостей...
Это самое страшное, что я помню из детства:
Танец маленьких-маленьких лебедей.

ПРОВОДЫ

Вот и всё. Уже время кончалось —
Не осталось, совсем не осталось,
Разве только лишь самая малость,
Разве только лишь пара минут.
Эта женщина многое знала,
Эта женщина всё понимала,
Но, вцепившись в рукав, умоляла:
«Поклянись, что тебя не убьют!»
И мужчина в ответ улыбнулся,
Странно глядя куда-то вперёд...
«Не убьют», — он сказал — и запнулся,
Потому что вдруг понял, что врёт...
Он к её волосам прикоснулся
И в глаза заглянуть не посмел...
«Не убьют...» — и он снова запнулся,
Потому что он лгать не умел.
И когда пронеслось над перроном:
«По вагонам! Пора по вагонам!» —
Он ей долго махал из вагона,
Растворившись в защитно-зелёном...
Но вагоны уже уплывали,
И колёса всё громче стучали,
И солдаты платформе кричали,
Что обратно с победой придут...
А потом они долго молчали.
А потом табачок доставали.
И колёса им всем обещали:
«Не убьют,
 Не убьют,
 Не убьют...»

* * *

Мужчину звали... Впрочем, это тайна.
А женщину — зовите как угодно:
Она была им встречена случайно.
Она была печальна и свободна.
Мужчина думал: «Всё идёт по плану...»
А женщина запела про любовь.
Мужчина много пил. Чудной и пьяный,
На край земли звал женщину с собой.
А женщина молчала и смеялась —
А что ещё ей делать оставалось?
А утром он не ждал, пока разбудят:
Проверил нож и оседлала коня.
А женщине сказал, что не забудет.
Но очень скоро он забыл меня.

* * *

Полудрёма. Поле. Пуля.
Полежите полчаса.
Даже если вы уснули,
Вас разбудят голоса:
Полудевы — полуптицы
К вам любиться прилетят,
И жена придёт проститься,
И пропащий младший брат...
И тогда вы вдруг поймёте,
Как прощаться нелегко...
Отвернётесь и заснёте,
А проснётесь далеко.

* * *

Мечется баба меж двух мужиков
Умная баба — меж двух дураков.
Первый — законный,
Второй — ненаглядный —
Ложь телефонов
И слезка в парадном,
Лица соседей
И взгляды детей...
Сколько в газете
Проблемных статей! —
Их не читая, уж много веков —
Мечется баба меж двух мужиков.

* * *

Вы зачем-то куда-то пропали.
Я зачем-то сошла с ума:
Я всем вру, что вы мне прислали
В прошлом месяце два письма... —
Это трудно сказать словами —
Позовите меня — я с вами
На край света пойду, — а там уж
Вы возьмите меня замуж.

* * *

Друзья попросят в советники,
Вокруг рассеется туман,
А что же будут делать сплетники,
Когда иссякнет наш роман?

...А под окном, такие хрупкие,
Торчат колючие кусты,
И ходят мартовские, жуткие
И непотребные коты.

* * *

Вы были старше и умней,
Вы почему-то были с ней,
А я следила.
Вы говорили так умно,
А ей ведь было все равно,
Она курила.
Вы ей шептали о судьбе,
Она жевала курабье,
А я следила.
Я не о вас.
Я о себе.
Я вас любила.

* * *

Вы — не о том, я — не о том —
Ну что же, можно и потом —
Вы так боитесь быть шутом,
Сказав: «Прости».
Лет через двадцать — двадцать пять,
Когда я стану увядать,
Я захочу вас повидать,
Где вас найти?

* * *

Медленно ползёт
Лифт вдоль этажей.
Как же мне везёт
На чужих мужей!
Прислонясь к стене,
Я кусаю рот,
Потому что мне —
Вообще везёт.

* * *

Мне грустно без причины,
Я плакала не раз:
Я встретила мужчину,
Похожего на вас.
Я вас не предавала,
Счастливая взахлёб,
Я вас поцеловала
В его холодный лоб...
Но знайте, мой хороший,
Однажды в добрый час
Я разлюблю и брошу
Похожего на вас.

* * *

Сходить с ума, сводить с ума —
Я всё освоила сама.
И всё усвоила вполне —
Вы не тревожьтесь обо мне:
Мне будет счастье — и без вас,
Любима буду — и не раз —
А десять, двадцать, тридцать, сто.
Ах, боже мой, а дальше что?..

* * *

Ну вот, снова осень —
Ещё одна.
Милости просим
Испить до дна,
Милости просим
Вкусить сполна —
Чудная осень,
Почти весна.

* * *

Поиграть собой,
Со своей судьбой —
В прятки.
Загадать на сон,
Чтоб явился ОН —
Святки.
...И он снился ей
Целых семь ночей —
Некрасив, недюж —
Подкаблучник муж.

ХОЛОДА

Январь. Иду и замерзаю,
И сапогами снег терзаю, —
Терзаю и не ведаю стыда,
Как в ноябре, ещё тогда, когда
Снег — он не снег, а чудо, благодать —
Растает, как умрёт, и снова ждать.
Как новогодняя открытка
Застыл январь, и от избытка
Снежинок, слитых в буйный снегопад,
Весь белый свет сегодня конопат.
И знаю я, что этот Новый год
Сегодня новым быть перестает.

* * *

...И почерк не моей руки,
И канувшие даты —
Мои смурные дневники
Конца семидесятых...
Шестнадцать лет, семнадцать лет —
Всё это было или нет?
...Дым сигарет, неясный свет,
Стихи, похожие на бред,
Аквариум, где сдохли рыбки...
(Две грамматических ошибки.)
И этот невозможный тип —
Какого чёрта он прилип? —
Ведь — всё. Проехали. Привет.
Иди гуляй себе — так нет:
Решил, что мы теперь близки
До самой гробовой доски...
...А я, как мышь, забилась в кресле,
Чтоб он моих не трогал рук...
А я всё думала: «А если?..»
А я всё думала: «А вдруг?..»
Но этот гад сказал: «Авось...»
И в самом деле, обошлось...
А дальше — странные значки,
Две-три зачеркнутых строки,
Девичий профиль, васильки,
Провал на месяц...
Куда бы деть всё это прочь,
Чтоб не прочла однажды дочь —
Лет через десять?..

* * *

«Сегодня на арене
Впервые перед вами
Мадемуазель Эжени —
С пантерами и львами!»
«Сегодня на арене...» —
Я комкаю афишу,
Опять дрожат колени,
Я ничего не слышу.
Вокруг мелькают тени,
Мне пудрят грудь и плечи...
«Впервые на арене», —
Звучит уж сотый вечер.
Я наливаю брома
И полстакана рома,
И старый гардеробщик мне говорит:
«Не трусь!»
Я ничего не слышу, я ничего не вижу,
Но я их ненавижу
И до смерти боюсь!

И вот я перед вами —
С пантерами и львами:
Они сидят на тумбах
И на меня глядят!..
Пока я молодая,
Я слишком уж худая,
Когда я разбабею —
Они меня съедят.

* * *

Уж я не знаю, как мне быть:
Ума — ни капельки.
С волками жить — по-волчьи выть,
А голос — слабенький.
Но, как натянутой струной,
Я взгляды чувствую спиной,
И, если надо стать стеной, —
Я в пол вступаю...
И не боюсь, что гром убьёт,
Что враг на mine подорвёт,
Боюсь, что кто-то позовёт —
И я вступаю...
И будет день.
И будет ночь.
И у меня родится дочь.
Я дам ей имя
И скажу ей всё, что знаю.
Я ей скажу, что мир неплох,
Хотя, быть может, и не «ох!»,
Но что его задумал Бог
Как самый лучший.
И научу стоять стеной,
И быть натянутой струной,
И взгляды чувствовать спиной —
На всякий случай,
Не доверять хорошим снам,
Плохим стихам, чудным словам...
И сколько б ни было вас там —
Егор Кузьмич, Демьян Фомич, Иван Петрович —
За каждую её слезу —
Я горло вам перегрызу,
И Бог мне в помощь!

* * *

Что делать с гениальными детьми —
Загадочными, нервными, печальными?
Что делать с гениальными детьми,
Чтоб эти дети выросли нормальными?
Чтоб радостно «болели» за «Спартак»
И шумно отмечали дни рожденья,
Что с тайною мечтой о «Жигулях»
Осваивали правила вожденья,
Чтоб — честно: с девяти и до шести,
А если что — так, Господи прости, —
Стучали по́ столу и хлопали дверьми...
Что делать с гениальными детьми?

* * *

Лизе

И снова — плохо
И снова — плаха
И снова — плач
Глотая слёзы, терзает Баха
Дитя-скрипач
И не даётся, не удаётся
То «до» тянуть,
Но всё зачтётся, но всё срастётся
Когда-нибудь —
И это «плохо»
И эта плаха
И этот плач
Скрипач, который не верит в Баха —
Он не скрипач.

ГОСТЬ

...Говорил об огромной Вселенной
И о связи событий и слов,
О неведомой, вечной, нетленной
И загадочной жизни миров,
Говорил, что не может обидеть
Никого, ибо всем в мире друг,
Говорил, что умеет предвидеть
И лечить возложением рук...
Он согрелся, поел. А на город
За окном наплывал полумрак.
Он ослабил мучительный ворот
И повесил на спинку пиджак.
И опять, и опять, не смолкая,
И как будто бы даже не мне,
А кому-то, кто всё понимает,
Но скрывается в тёмном окне —
О великом напряге с деньгами,
О какой-то жестокой игре
И о том, что не выбрался к маме
В сентябре, октябре, ноябре,
И о том, как непросто таланту,
И о том, как он всем отомстит,
И о том, как ему практиканты
Вырезали аппендицит...
А к полуночи, пьяный, он плакал,
Всё твердил, что любовь — это храм,
И стихами от первого брака
Рвал мне сердце напополам.

* * *

А музыка не греет —
Разве что сжигает,
Даже если плачет —
Всё равно играет.
А музыка не кормит,
Но музыкантов поят,
И вообще оставьте
Музыку в покое.

* * *

В том доме было много комнат
И люк, ведущий на чердак...
И что-то дальше нужно вспомнить —
Но невозможно. Ну, никак...
И что-то делается с телом,
Зачем-то холод вдоль спины...
И что-то... кто-то... в чём-то белом —
Так тихо-тихо у стены...
И даже можно дотянуться —
И испугаться. И спугнуть.
... То ли уснуть и не проснуться,
То ли, проснувшись, не уснуть.

* * *

Я плохо сплю
Мне снятся злые люди
И по земле летящий самолёт,
И тихий плач, который ночью будит,
А по утру проснуться не даёт.
Я плохо сплю. И еле просыпаюсь.
И время — на меня — идёт, идёт...
Хочу бежать, но молча расступаюсь
И рассыпаюсь
Абсолютно. Вот.

* * *

Любимый, только захоти —
Я буду ангел во плоти,
И пусть грехи мои рыдают в преисподней,
Но ради бога — отпусти
Но ради бога — отпусти
Но ради бога — отпусти меня сегодня!
...И он опять меня простил,
Простил — и с миром отпустил,
И у калитки посветил,
Но возвращаться — запретил.

* * *

По материнской линии
Глаза должны быть синии,
А по отцовской линии —
Должны быть стать и выправка.
А он — косой и маленький,
Ничем им не обязанный,
Ничем ни с кем не связанный
И злой по праву выродка.
Его не любят мальчики.
Его не любят девочки.
Его не любят лошади,
И даже не везут.
Но его любит бабушка,
И очень любит дедушка,
Но бабушка и дедушка
Когда-нибудь умрут.

* * *

... А живут они хорошо и дружно,
И не мудрствуя многосложно,
И если что ему от неё и нужно —
Так это чтобы ей было можно.

Сам Господь на них смотрит и радуется,
А они его ни о чём не просят:
И раскладушка у них раскладывается,
И пылесос у них пылесосит.

* * *

Город готики и статики,
Кирхи с крепкими дверьми,
Оловянные солдатики
С деревянными блядьми,

Кружевные занавески
И скатёрка на столе,
Никому не интересно,
Есть ли правда на земле.

*...Из мужского туалета —
кривоногий и хромой... —
Боже мой, откуда это?
Мама, я хочу домой!*

POP PSYCHOLOGY

Человеку много ль надо —
Чтоб его любили, гада,
Чтобы гладили по шерсти
Незлобливою рукой...
Человеку надо много:
От сортира и до Бога,
И чтоб все ему дивились:
Дескать, эвона какой!

* * *

Вот Вам бы всё песни петь да дурачиться,
Да чтобы с музыкой, с фортепиано...
А мне с Вашего голоса
Поётся — как плачется,
А плачется горько — как будто спьяну.
Я на таких как Вы всю жизнь спотыкалась:
Споткнусь — и падаю. Прямо кубарем.
Я думала, больше таких не осталось,
А тут вот Вы — с тенорком да с юмором.
А на меня это действует — безотказно,
И пускай пропадает оно всё пропадом —
Я вот напьюсь сейчас безобразно
И о себе расскажу Вам шёпотом.

NOTTING HILL

В этих белых домах жемчуг крупный и мелкий,
С золотою каёмочкой голубые тарелки...
Но ещё до меня за меня решено:
Мне не жить в тех домах,
Мне не пить то вино.
Я пасусь на своём
Разноцветном лугу
И меняю лишь то,
Что хочу и могу.
Я нигде не бываю
И ни с кем не дружу,
И, наверное, больше никого не рожу.

* * *

А жизнь короткая такая,
Я, видно, зря к ней привыкаю
И обосновываюсь:
Хочу изучать клинопись,
Собирать живопись,
Занимаюсь гимнастикой, пластикой
И развитием вкуса,
Скупаю серёжки, колечки, бусы —
То ли для пущей нарядности,
То ли от жадности,
И всё время думаю,
Что всё когда-нибудь кончится.
И не то чтобы страшно, а просто не хочется.

* * *

В замке было девять башен.
День был чист и ясен.
Принц был весел и отважен,
Молод и прекрасен:
Воевал, гулял по парку,
Пил вино с друзьями,
Иногда читал Петрарку
Влажными глазами,
У пруда кормил жар-птицу
Хлебом и изюмом...
Он хотел на мне жениться,
А потом раздумал.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Это 284-я страница, и мне почему-то хочется думать, что вы оказались здесь, потому что прочитали все предыдущие 283 страницы... Но даже если вы попали сюда, потому что просто пролистали книжку, особо не вчитываясь — это тоже нормально, я и сама так часто делаю. В любом случае, мы провели вместе какое-то время, и это уже хорошо. А теперь вам пора идти, я знаю: глазами вы ещё здесь, но ваша рука уже ищет шляпу, зонт, перчатки...

Но мне почему-то не хочется вас отпускать. Подождите минутку, не уходите, вот вам ещё одно — на посошок:

*Нам ли, милый, было плохо,
Нам ли было горевать —
Ни подлянки, ни подвоха,
Ни намёка на кровать —*

*Только лунные просторы,
Потайные острова
Да такие разговоры,
Что кружилась голова.*

*А теперь тебя не видно
Из-под груды одеял —
Мне же, знаешь, как обидно:
Нас — на бабу променял!*

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
2009	
«Утро вечера мудренее...»	13
«Вот была б я молоденькой, худенькой...»	14
«А с Майклом Дугласом ничего у нас не было...»	15
«Погода такая, что хочется сдохнуть...»	16
«В полнолуние люди бесятся...»	16
«Я всё поймать хотела взгляд...»	17
«Тихо. Дом — словно обморок...»	18
По ту сторону	19
«Мне кошка вслед кричала: «Дура!»...»	20
«Ты думаешь, что если ты летаешь...»	21
«Она была прекрасна и чиста...»	22
«...А на заднем плане — дыгане...»	23
«В ту ночь меня боготворили...»	24
«Да, я люблю Вас — а то Вы не знали...»	25
«Мне с тобой — не детей крестить...»	26
«Ах, да... Ты опять хочешь правды...»	27
«То ли это дерево качается...»	28
«...И опять матрос повешенный...»	29
«Опять любое «здрасьте» бьёт по нервам...»	30
«Эта глупость лебединого периода...»	31
«Если ты такой хороший...»	32
«Всё, что угодно — но только по-польски...»	33
«Мой терем — на краю земли ...»	34
«Совсем немножко, для разогрева...»	35
«Есть просто улицы...»	36
«На Портобелло музыка играет...»	37
«Принять меня за чистую монету...»	38
«Небесными силами, лисами, лесами, лосьями...»	38
«Старый Царь меня искал...»	39
«Скажи, мы всё ещё друзья...»	40
«Когда мне снится, что тыходишь...»	41
«И ты пойми одну такую простую вещь...»	42
«Ну и как мне теперь быть? ...»	43
«...А душа есть...»	44

2010

«Вот ведь, как оно получается...»	47
«И хотя Вы так вот смотрите на меня удавом...»	48
«И позовут из Мира Нижнего...»	49
«Он на неё залип, залёг...»	50
«Он ведь как мне говорил...»	50
«Вы не из тех, кто падает с моста...»	51
«Смеркается. Тучи повисли...»	52
«В славном городе таком, Дюссельдорфе...»	53
«Не нужна ему ты, милая, не нужна...»	54
«Я же не просто по дому хожу...»	55
«А по весне в открытое окно...»	56
«Я уеду — ты останешься ...»	57
«Пальто — моё, а в кармане — рюмочка...»	58
«О Господи, ведь Ты не покараешь?»	59
«Ах, Семён Семёныч! ...»	60
«...А он мне говорит...»	61
Триптих	62
«На свету мысли тёмные...»	64
«Милый, любимый, ведь это — для взрослых ...»	65
«Вы своё, а я своё — на закорочки...»	66
«А вообще-то я из «погорелого»...»	67
«Ага, Матильда, теперь я тут...»	68
«А мой муж сказал, что ты...»	70
«Сам возьми себе стаканчик, если будешь ...»	71
«С лева бока — ножка правая...»	72
«Кто там в малиновом берете...»	73
«Я б задушила музыковедов и ковьяряльщиков...»	74
«Вот ты меня держишь за суку отвязную ...»	75
«Там, где у Сфинкса кончаются лапки...»	76
«В двери, тяжестью литые...»	77
«Слова — хорошие-хорошие...»	78
«Господи! Сердце — всего лишь моторчик...»	79
«Он смотрел в трубу подзорную...»	80
«Чьи-то пальцы пахнут ладаном...»	81
«...И будет в этой точке много строчек...»	82
«А я не знаю, чем оно кончится...»	83
«Ох уж эти ваши вериги у чресел!...»	84
«А я Вас люблю — до озноба, до коликов...»	85
«А я иногда ухожу на свободу...»	86

«А Вы со мной так нежно и так косвенно...»	87
«То ли было мало у меня веселей...»	88
«Плачут белые медведи на севере...»	89
«О, бедная, вам так хотелось...»	90
«А я — как рыба. А рыбы — немые...»	91
«Взошла в зенит моя печаль...»	92
«Он говорил мне: «Будь ты моею...»...»	93
«Тоненькие ручки, узенькая спинка...»	94
«Избави нас Боже допытывать психа...»	95
«В одну и ту же реку...»	96
«А на сладкое у нас — сладкое...»	97
«Я хочу к тебе —...»	98
«Мне без тебя — не можно и ненужно...»	99
«Время боронить, время кашивать...»	100
«В тот день не досчитались дня...»	101
«Я ухожу...»	102
«Теперь мне так странно, что это случилось...»	103
«Я ржу как Анка-пулемётчица...»	104
«А мать невесты будет в белом...»	105
«Бешеной собаке — семь вёрст не крюк...»	106
«Да кто сказал, что ты в ответе...»	107
«Если лодочку оттолкнуть...»	108
«Таких, как я — ага... отличники...»	109
«Похоже, дошла до точки...»	110
«А я — двенадцати колен...»	111
«Обратите внимание, милый...»	112
«У белой ограды, у чёрной ограды...»	113
«Это то, что у вас называется...»	114
«Я обещаю, Господи...»	115
«Я Вам чёрным по белому говорила...»	116
«Замужних людей не целуют в предплечье...»	117
«Он мне сказал, что Вас послал мне Бог...»	118
«Вдоль дорожки моей...»	119
«Ну что, Елдырин, будем раздеваться...»	120
«А ветер стих — и стало жарко...»	121
«Я такая ваза...»	122

2011/2012

«Надышаться перед смертью...»	125
«Больные дни царевны Несмеяны...»	126

«...Как за синим океаном...»	127
«Вы ж мои свидетели, ангелы-святители...»	128
«По синему небу летела...»	129
«Снова жизнь со мной вполголоса...»	130
«Я с тобой — хоть за Онегу, хоть за Ладогу...»	131
«Были шлюхи обвальны, были жёны дородны...»	132
«Смятеные душ не терпит суеты...»	133
«Запомнить эту дрожь и дождь...»	134
«Уже все пабы в городе закрылись...»	135
«У Панкратова — дача в Кратово...»	136
«Кольцо покойницы мне впору...»	137
«Он ей говорит: «Я вот тут уснул...»	138
Сон разума	139
«Два совершенно разных человека...»	140
«Мы едем в Грецию...»	141
«А мы с Вами будем встречаться...»	142
«И вот мы приходим к Нему чебурашками...»	144
«Всё это однажды закончится миром...»	145
«Ну да, я запиваю рыбу...»	146
«И вблизи не видно, и даль темна...»	147
«А радость — всего лишь полдела...»	148
«А я сама не знаю, зачем оно мне надо...»	149
Несостоявшийся ноктюрн	150
«Eine kleine nacht...»	150
«Да что ж такого, что Шостакович?...»	151
«В том Тридевятом, ныне Тридесятном...»	152
«Казалось, вернут в наказание...»	153
«Оно, конечно, ёклмн...»	154
«Наступает суббота...»	155
«Я не дышу — чего же боле?...»	156
«Ну, и пожалуйста, и пожалуйста, и пожалуйста!...»	157
«Перевирая в памяти детали...»	158
«Мне так Вас не хватало в этом городе...»	159
«Она появлялась всегда незаметно...»	160
«Я вот давно хотела Вас спросить...»	161
«Я вам рекомендую, я вам советую...»	162
«Что ты, милый, это ветер...»	163
«...В тихий предночнóй час...»	164
«Дело было летом, в городе Берлине...»	165
«Зачем тебе счастье, когда уже полночь...»	166

Демисезонное	167
«Равнины становились горами...»	168
Диме Сорокину <...>	169
«You can take the girl out of the village...»	170
«Он к ней приходит, такой красивый...»	171
«По пляжу гуляла Судьба...»	172
«Всё уместается в две трети...»	173
«Такая южная Хорватия...»	174
«Я опять полетала на воле...»	175
«Расчёт мой прост — на первый и второй...»	176
«А вот вам никогда не бывает страшно...»	177
«Осень, осень, что мы косим?»	178

**Стихи из книги «ОБЕЩАЛА РЕЧКА БЕРЕГУ»
а также в неё не вошедшие. 1979—2009**

К слову	181
«Конечно! Обидеть девушку может каждый...»	182
«Когда бездумно пророчит лето...»	183
Понедельник	184
Накануне совершеннолетия	185
«Шел пятый день любви, прошедшей даром...»	186
«Мы вовсе не бредим, просто...»	187
«Я боюсь утечки газа...»	188
Первая любовь	189
«Мы сидим в кафе «Метелица»...»	190
В метро	190
«За стеною кто-то ходит ходуном...»	191
«Весна прикинулась зимой...»	192
Переломный возраст	193
У могилы	194
В поезде	195
«Когда в лесу бывает ночь...»	196
«Глупые, безоблачные лица...»	197
«Я школу кончила на тройки...»	198
Подслушанный разговор	200
Ещё один подслушанный разговор	201
И ещё один подслушанный разговор	202
«Крупным шагом...»	204
«Говаривала тетушка Ирена...»	205
«Как дожди ударились оземь...»	206

«Он говорит, что там есть речка Остынь...»	208
Утром	209
«Как весело письму гореть...»	210
«Дождь и безлюдье — мёртвый сезон...»	211
«Как интересно влюбиться в актёра...»	212
«Опять в твоих глазах читаю смех...»	212
«А я кому-то не простила...»	213
Прогулка	214
Мне говорили	215
«А я была мила...»	216
Песенка	217
«...Вот я постепенно теряла подруг...»	218
Первый снег	219
«...Прийти на рынок без копейки денег...»	220
«Мне сказал один художник...»	221
«Нашептала речка берегу...»	222
«Млечный путь похож на санный...»	223
«...Интеллигентные славяне...»	224
Страница истории	225
«По всей земле — колокола, колокола, колокола...»	226
Песня	227
«Берег моря. На песке...»	228
«Ты позвонишь своей любовнице...»	229
«Ты не ждал? А я пришла...»	229
«Чья-то мама ищет сына...»	230
Письмо в Сухуми	231
«Лгала, сказав, что все забыто...»	232
«А Марьяна хороша была с лица...»	233
«В тихом омуте, в тихом омуте...»	234
«Сгубить мою душу...»	235
«Я ненавижу вас...»	236
«У вас там как? ...»	237
«Мы вряд ли будем целоваться...»	238
«Это ты, положим, врешь...»	239
Заговор	240
Одноклассник	241
«Он спрашивает: «Где ты?»...»	242
В гостях	243
«На уровне бреда...»	244
«Сквозь мутные окна — дождя паутина...»	245

«Ну и что, что вдвоём. Ну и пусть при свечах...»	246
«Очи чёрные...»	247
«Часы прабабки кукуют глухо...»	248
Танец маленьких лебедей	250
Проводы	252
«Мужчину звали... Впрочем, это тайна...»	253
«Полудрёма. Поле. Пуля...»	254
«Мечется баба меж двух мужиков...»	255
«Вы зачем-то куда-то пропали...»	256
«Друзья попросят в советники...»	257
«Вы были старше и умней...»	258
«Вы — не о том, я — не о том...»	259
«Медленно ползёт...»	260
«Мне грустно без причины...»	261
«Сходить с ума, сводить с ума...»	262
«Ну вот, снова осень...»	263
«Поиграть собой...»	264
Холода	265
«...И почерк не моей руки...»	266
«Сегодня на арене...»	267
«Уж я не знаю, как мне быть...»	268
«Что делать с гениальными детьми...»	269
«И снова — плохо...»	270
Гость	271
«А музыка не греет...»	272
«В том доме было много комнат...»	273
«Я плохо сплю...»	274
«Любимый, только захоти...»	275
«По материнской линии...»	276
«... А живут они хорошо и дружно...»	277
«Город готики и статики...»	278
Pop psychology	279
«Вот Вам бы всё песни петь да дурачиться...»	280
Notting Hill	281
«А жизнь короткая такая...»	282
«В замке было девять башен...»	283
Вместо послесловия	284

Екатерина Горбовская
УТРО ВЕЧЕРА
Книга стихов

Идея издания этой книги принадлежит
Вячеславу Малина, «Свой Круг»

Издательство «Свой Круг»
115114, Москва, 2-ой Кожевнический переулок, д. 12
Тел. +7 (499) 235-85-62
www.svoy-krug.ru

Художник
Светлана Кротова
www.artswet.com

Макет и верстка
Виртуальная галерея
parkculture@gmail.com

Подписано в печать 25.01.2013
Формат 60x84/16. Печать цифровая
Бумага офсетная 90 г/м²
Тираж 1000 экз. Заказ №13462
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12. Телефон: +7 (495) 994 49 94
www.cherupie.ru

Обычно это место на обложке отводится для краткой биографической справки об авторе книги или для цитат, где всякие замечательные люди говорят об авторе разные хорошие слова.

А мне хочется самой говорить здесь всякие хорошие слова о разных прекрасных людях — о тех, без кого эта книга никогда не увидела бы свет. Но этих людей и этих слов у меня так много, так много, что мне понадобится ещё, как минимум, две или три обложки...

Поэтому я просто скажу, что был момент, когда я решила не издавать эту книгу: знаете, бывают такие моменты — окончательные и бесповоротные. И возможно, что этот момент так и остался бы окончательным и бесповоротным, если бы не письмо читательницы, полученное мной тогда же:

«Я прожила с Вашими стихами всю свою непростую жизнь, и они вытягивали меня из такого... что и вспоминать не хочется. Просто спасибо Вам». 🙌 [grajdanka_g](https://www.instagram.com/grajdanka_g) (Мария Милевская)

СПАСИБО ВСЕМ

КАФЕ КЛУБ
**Свой
Круг**

ISBN 978-5-903385-06-5

9 785903 385065 >